

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Н. П. Подгорнова

**ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОЙ САХАРЫ
В ПОЛИТИКЕ АЛЖИРА**

Москва 2015

Научное издание

Н.П.Подгорнова
ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОЙ САХАРЫ В ПОЛИТИКЕ АЛЖИРА
М., 2015. 116 с.

ISBN 978-5-89394-261-3

ISBN 978-5-89394-261-3

© Институт Ближнего Востока, 2015
© Н.П. Подгорнова, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....	4
Введение.....	5
1. История возникновения и суть проблемы	7
2. Позиция Алжира по проблеме в 1975–1991 гг.	18
– <i>Побудительные мотивы, определявшие позицию алжирского руководства по сахарской проблеме</i>	20
– <i>Подспудные причины ввязывания АНДР в сахарский конфликт</i>	35
3. Позиция Алжира по проблеме в период правления М.Будиафа (январь–июнь 1992 г.)	65
4. Сахарская политика АНДР после М.Будиафа	73
5. Особенности сахарской политики АНДР при А.Бутефлике....	84
6. Влияние сахарской политики Алжира на ситуацию в стране и регионе	97
Итоги и выводы	104
Заключение	108
Литература и источники	111

ОБ АВТОРЕ

ПОДГОРНОВА Наталия Петровна

Старший научный сотрудник Центра изучения стран Северной Африки и Африканского Рога Института Африки Российской академии наук (РАН), кандидат исторических наук (с 2012 г.).

В 1960–1971 гг. работала в системе Министерства иностранных дел СССР. Находилась в служебных командировках в Ираке (1962–1964) и Марокко (1966–1969).

Окончила (1971) Московский государственный историко-архивный институт по специальности «*историко-архивоведение*». Имеет квалификацию «*историка-архивиста*».

В Институте Африки РАН работает с 12 апреля 1971 г. Занимается изучением проблем стран Северо-Западной Африки.

ВВЕДЕНИЕ

В начале 1970-х годов в Северо-Западной Африке возникла так называемая проблема территории Западной Сахары, являвшейся в 1884–1975 гг. колониальным владением Испании. Сторонами, заинтересованными в решении проблемы, выступили, с одной стороны, Марокко и Мавритания, владевшие этой территорией в историческом прошлом. С другой, – так называемый Народный фронт за освобождение Сагиет Эль-Хамра и Рио-де-Оро (*провинции территории*), более известный как Фронт ПОЛИСАРИО, и поддержавший его, хотя официально и не выдвинувший собственные притязания на означенную территорию, Алжир.

* * *

Напряженная обстановка в регионе сохраняется более 40 лет, и перспективы выхода из создавшегося положения не просматриваются, поскольку конфликтующие стороны отстаивают взаимоисключающие позиции, что не позволяет ни им, ни мировому сообществу в лице Организации Объединенных Наций (ООН), Организации африканского единства (ОАЕ) и ее наследника Африканского союза (АС), Движения неприсоединившихся стран (ДНС) ликвидировать этот очаг напряженности. Причина в том, что ООН, с 1965 года занимающаяся изучением вопроса о территории Западной («Испанской») Сахары, проявляет либо некомпетентность в выяснении основополагающего принципа, определяющего суть проблемы, то есть территориальной целостности или самоопределения коренного населения означенной территории. Либо сознательно проводит ставшую традиционной для нее политику двойных стандартов.

Пользуясь авторитетом ведущей международной организации, ООН, как показывает сложившаяся порочная практика, довольно часто навязывает мировому сообществу отнюдь не бесспорные решения для урегулирования многих, не только сахарского, но и других региональных конфликтов, способствуя

тем самым не столько умиротворению, сколько еще большему их разжиганию. Это касается событий, разворачивавшихся в разное время вокруг Абхазии и Южной Осетии, Республики Косово и Мальтийского ордена, Северного Кипра и Приднестровья, Нагорного Карабаха и Тайваня, Квебека и Каталонии, Северной Ирландии и Шотландии. Последний пример – недавние события 2014 года на Украине.

Надо сказать, что практически сахарская проблема решена в интересах Марокко, в состав которого территория Западной («Испанской») Сахары вошла на правах широкой автономии. Но это решение не получило всемирного признания и потому не подкреплено юридически. К тому же продолжается деятельность Алжира в защиту права населения спорной территории, представляемого им мировому сообществу *«сахарским народом»*, на самоопределение и независимость *«сахарского государства»*, выразителем интересов которого выступает Фронт ПОЛИСАРИО.

1. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СУТЬ ПРОБЛЕМЫ

Расположенная на Атлантическом побережье континента, между Марокко на севере и Мавританией на юге, на востоке территория Западной Сахары, состоявшая до середины 1970-х годов из двух провинций (*северной Сагьет Эль-Хамра и южной Рио-де-Оро*) общей площадью 272 (по данным руководства Фронта ПОЛИСАРИО, – 286) тыс. кв. км, граничила с Алжиром. Во второй половине XI века она стала одним из объектов экспансии со стороны берберских племен, начавших завоевательные походы с территории современной Мавритании в южном и северном направлениях. Это привело к созданию в регионе (1056 г.) первого государственного образования – империи Альморавидов со столицей в городе Марракеше, построенном (1062 г.) основателем империи Юсуфом ибн Ташфином. Отталкиваясь от названия города, африканцы и европейцы стали называть это государственное образование «Марокко», а его жителей – «марокканцами».

В период наивысшего подъема территория империи Альморавидов простиралась от р.Сенегал на юге до р.Эбро на Пиренейском полуострове и включала в свой состав мусульманскую Испанию, Балеарские острова, Сагьет Эль-Хамру и Рио-де-Оро, нынешние Мавританию, Марокко и Западный Алжир (*Тлемсен, Коломб-Бешар, Туат, Гуарару, Тиндуф и его окрестности*).

В 1146 г. империя Альморавидов пала под натиском другой берберской династии Альмохадов (1146–1269), которую в последующем одна другую сменяли также берберские династии Маринидов (1269–1465) и Ваттасидов (1465–1554), а затем – арабская династия Сааидов (1554–1659). В 1659 г. территория Западной Сахары (*Сагьет Эль-Хамра и Рио-де-Оро*) стала частью территории государства Алауитов – ныне правящей арабской династии Королевства Марокко.

Населяли ее местные племена текна, мавров и регейбат. Причем регейбат в отличие от текна и мавров не являлись ко-

ренными жителями территории. Местами их традиционных кочевий были центральные районы Северо-Западной Африки, расположенные вдоль восточных границ Сагьет Эль-Хамра и Рио-де-Оро. На территорию собственно Западной Сахары племена регейбат пришли по призыву султана Алауитов. Поначалу они столкнулись с противодействием их приходу в регион воинственных арабских племен бени-хасан и улед-делим, но не отступили, а начали скупать у местных жителей свободные земли и/или, где было возможно, захватывать их силой. Так постепенно местами обитания племен регейбат в районе Магриба стали не только территория собственно Западной Сахары (о которой идет речь), но также земли Южного Марокко, Западного и Южного Алжира, Мавритании.

В конце XIX – начале XX вв. обострилось соперничество западноевропейских держав за сферы влияния в Северо-Западной Африке. Оно затронуло, в частности, Мавританию, Марокко, Алжир. В 1881 г. аннексию в отношении территории Западной Сахары предприняла Испания, объявившая (1884 г.) Рио-де-Оро своим протекторатом. Воинственные и свободолюбивые регейбат, вдохновленные призывом своего духовного лидера эмира Маа аль-Айнина оказать решительное сопротивление иноземным завоевателям, поднялись на священную войну (джихад) и не прекращали ее даже после окончательной колонизации этой территории Испанией (1936 г.). Помощь оружием в этой борьбе им оказывало Марокко, несмотря на то, что само в 1912 г. было превращено в протекторат Франции и Испании. В свою очередь и регейбат (уроженцы Сагьет Эль-Хамра и Рио-де-Оро) в 1910 г. пошли защищать Марокко от Франции, угрожавшей ему оккупацией.

После завоевания Марокко независимости (1955 г.) одной из первоочередных задач руководства страны стало восстановление территориальной целостности королевства путем возвращения ему земель, незаконно отторгнутых от него в колониальный период. Для этого оно обратилось в ООН (1963 г.), поставив перед ней, в частности, вопрос о деколонизации Испанией территории Западной Сахары с целью последующего воссоединения ее с «родины-матерью» – Марокко.

В обоснование законности своих притязаний на означенную территорию Марокко и присоединившаяся к нему после завоевания независимости (1960 г.) Мавритания представили в ООН многочисленные документы, подтверждающие всесто-

ронные (*исторические, географические, экономические, этноконфессиональные, культурные и иные*) общности двух стран с территорией Западной Сахары и ее населением.

В 1962 г. национальную независимость обрел Алжир, которому в тот период были особенно близки и понятны вопросы, касавшиеся деколонизации. Тем более территории, расположенной в непосредственной близости от его границ. Поэтому руководство страны сочло необходимым подключиться к Марокко и Мавритании в совместных поисках пути деколонизации означенной территории.

Объясняя причины, побудившие Алжир к этому, председатель Революционного совета АНДР Хуари Бумедьен, выступая на VII совещании глав арабских государств и правительств (*Рабат, 28 октября 1974 г.*), прямо заявил: *«Проблема для меня состоит в обеспечении безопасности границ моей страны. Я являюсь главой государства, ответственным за революцию. А если суждено развязывание войны с Испанией, то она неминуемо повлечет за собой последствия для всего региона. Это – действительно так, поскольку границы, отделяющие Алжир от этого, еще колонизированного, района, не определены. Это должно быть ясно, и не должно возникать никакой двусмысленности, поскольку я чрезвычайно заинтересован в развитии отношений с Марокко («между Марокко и Алжиром не существует никакой проблемы» [здесь и далее: 33, 18.03.1988], – подчеркнул он), Мавританией и всеми нашими братьями – соседями Алжира. Ибо без этого невозможно наше прогрессивное развитие, строительство нашей страны и решение проблем слаборазвитости без стабильности – фактора мира в регионе.*

Что касается Алжира, – продолжал глава государства, – то он никогда не будет предъявлять притязаний в отношении территории, которая находится вне пределов той, которую рассматривает как входящую в его собственные границы. Алжир требует одного: участия в освобождении района, расположенного на его границах. Это – действительно проблема, и я хотел бы избежать любой двусмысленности, поскольку часто пишут, будто Алжир ведет двойную политику. Но Алжир не ведет двойную политику. У него – лишь одна политика, и четко определены границы, за исключением этого района, находящегося еще под испанским господством.

Если мы и согласились участвовать в выработке резолюции, представленной в Организацию Объединенных Наций, – пояснил Х.Бумедьен, – то лишь потому, что на границах моей страны существует проблема границ. Это – проблема безопасности: на границах моей страны существует колониализм. Как бы я мог говорить о колониализме в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау и молчать по поводу Сахары».

В свою очередь король Марокко Хасан II в интервью, данном им 3 августа 1988 г. директору и главному редактору французского еженедельника «Монд», привел слова Х.Бумедьена, сказавшего ему за несколько лет до этого следующее: *«Вы понимаете, я не мог молчать, когда самоопределения требовал вьетнамский народ. И вот его потребовал сахарский народ, который находится рядом со мной. Я был бы первым, кто отступил от собственных принципов, если бы не сделал этого»* [печатается по: 23, 4.08.1988; 33, 4, 9–11.08.1988].

* * *

Для обсуждения пути решения проблемы в 1970–1975 гг. руководители Марокко, Мавритании и Алжира и их министры иностранных дел провели ряд встреч, в ходе которых *«уделили особое внимание проблеме «Испанской» Сахары, находящейся еще под господством испанского колониализма», и «подтвердили безграничную приверженность принципу самоопределения, а также желание позаботиться о претворении этого принципа в жизнь в условиях, гарантирующих населению Сахары свободное волеизъявление в соответствии с решениями ООН по этому вопросу»* [36, 25.07.1973].

Для осуществления достигнутых договоренностей главы трех государств приняли решение *«координировать действия, направленные на освобождение этих территорий (Сагьет Эль-Хамра и Рио-де-Оро – прим. Н.П.) и их деколонизацию»* [33, 28.05.1988; 38, 1970, № 327, р.7], а также *«активизировать тесное сотрудничество с целью ускорить деколонизацию этого района в соответствии с известными резолюциями Организации Объединенных Наций»* [36, 15.09.1970].

Резолюции Генеральной Ассамблеи (ГА) и Совета Безопасности (СБ) ООН, принимавшиеся по сахарскому вопросу (1965–1974), основывались на положениях «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», которые предусматривали проведение под эгидой ООН

консультаций с заинтересованными сторонами (*под которыми подразумевались Марокко, Мавритания и Алжир*) по вопросу референдума о самоопределении коренного населения территории Западной («Испанской») Сахары и ее независимости. Игнорируя при этом то, что, во-первых, никогда не было и не могло быть «сахарского народа», поскольку это название является географическим понятием, а не определением народа, нации или национальности; а во-вторых, никогда не существовало «сахарского государства», которое, согласно логике ООН, следовало деколонизировать.

Эти очевидности авторитетно и неоднократно подтверждал президент Гвинейской Народной Революционной Республики (ГНРР) А.С.Туре. Так, выступая на 17-й сессии Ассамблеи глав государств и правительств стран-членов ОАЕ (*июль 1980 г.*), он обратил внимание африканского сообщества на то, что «*существуют Алжирская Сахара, Марокканская Сахара, Малийская Сахара, Ливийская Сахара, Суданская Сахара, Чадская Сахара, Египетская Сахара, Сомалийская Сахара.., но самостоятельного государства, называемого сахарским государством, никогда не было. История – это история*», – подчеркнул А.С.Туре. И повторил: «*Никогда не существовало ни сахарской нации, ни сахарского государства*» [33, 22.07.1980].

* * *

Тем не менее Марокко и Мавритания согласились с идеей проведения референдума о самоопределении коренного населения территории Западной («Испанской») Сахары, будучи уверены в том, что оно выскажется за воссоединение с «*родной-матерью*», то есть соответственно с Марокко и Мавританией, неотъемлемой составной частью которых она являлась в историческом прошлом. Тем более, что это признал Международный суд (МС) ООН в Гааге, занимавшийся изучением вопроса о правомерности притязаний на нее двух этих стран по рекомендации 29-й (1974) сессии ГА ООН.

В Консультативном заключении МС (*от 16 октября 1975 г.*) подтверждался тот факт, что между жителями территории Западной Сахары, с одной стороны, и правителями Марокко и Мавритании, – с другой, издавна, еще до испанской колонизации, существовали «*связи суверенности и подданства, то есть вассальности*» [13; 14, р.223; 15]. Причем между

мавританскими гражданами и жителями этой территории связи были даже теснее, нежели между ними и марокканскими гражданами.

Руководители Марокко и Мавритании восприняли Консультативное заключение Международного суда как юридическое подтверждение законности своих прав на территорию Западной («Испанской») Сахары и категорически отвергли возможность образования независимого сахарского государства. Для них это было совершенно неприемлемо.

Вместе с тем наряду с Консультативным заключением, отталкиваясь от множества резолюций, принятых ГА ООН по сахарскому вопросу в рамках «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», Суд признал право населения Западной («Испанской») Сахары на самоопределение [см. 13]. На этом основании ГА ООН приняла решение об организации и проведении Испанией в ее «*заморской провинции*» под эгидой ООН свободного и справедливого референдума о самоопределении коренного населения этой территории в консультации с правительствами заинтересованных стран, то есть Марокко, Мавритании и Алжира.

Так, взаимная противоречивость Консультативного заключения МС и решения ГА ООН об организации и проведении референдума на территории Западной («Испанской») Сахары породила международный прецедент, повлекший за собой многолетние негативные последствия для развития ситуации в районе Магриба, поскольку руководство АНДР высказалось в поддержку права местного населения территории на самоопределение, а Марокко и Мавритания сочли применение резолюций ООН, основанных на «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», к сахарскому конфликту неправомерным. Основанием для чего им опять-таки служило осознание того, что территория Западной Сахары никогда не являлась государством, а ее население – народом.

Резолюции ГА ООН, касавшиеся будущего территории Западной Сахары и ее населения, вызывали неприятие их и метрополией, не заинтересованной в ликвидации своего колониального владения в этой части Африканского континента. К тому же еще в 1767 году Испания признавала принадлежность этой территории Марокко [14, p.211]. Следовательно, не могла оспаривать законность его притязаний на нее. Поэтому она не

только отказывалась проводить референдум в своей «*заморской провинции*», но и продолжала сохранять в ней колониальный режим и даже приняла ряд мер, направленных на упрочение своих позиций в регионе.

Главное же состояло в том, что резолюции ГА ООН по сахарской проблеме, основанные на «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», вызвали недоумение и неготовность к их восприятию жителями самой Западной («Испанской») Сахары. Безусловно они были заинтересованы в ликвидации испанского колониального господства на этой территории, но о своем будущем либо вообще не задумывались, либо связывали его с Марокко и/или Мавританией в рамках единого государства.

Чтобы ускорить решение вопроса о будущем территории, король Хасан II решил «*явочным*» порядком утвердить «*права*» Марокко на нее. С этой целью он организовал и провел мирный (или «*зеленый*») марш с участием 350 тыс. марокканцев – «*мужчин и женщин, движимых верой в Аллаха и проникнутых патриотизмом, с Кораном в правой руке и марокканским знаменем в левой*», представителей всех районов страны [33, 3.05.1988; 34, 6.11.1989, 6.11.1990, 14.08.1991, 6.11.1991]. Участники марша организованно направились к границе королевства с Сагьет Эль-Хамра, на которой 6 ноября 1975 г. остановились, всем своим видом демонстрируя намерение мирным путем принудить Испанию деколонизировать территорию Западной («Испанской») Сахары в пользу королевства, что сразу же накалило обстановку в Магрибе до грани вооруженного конфликта.

Вместе с тем организация марша ускорила начало испано-мароккано-мавританских переговоров, завершившихся 14 ноября 1975 г. подписанием Мадридского соглашения о деколонизации Западной («Испанской») Сахары в соответствии с резолюциями ООН и учетом одобрения его (21 ноября 1975 г.) генеральной ассамблеей («Джемаа») – органом местного самоуправления [подробнее см. 17].

Соглашение предусматривало переход с 20 ноября 1975 г. управления территорией Западной («Испанской») Сахары к временной испано-мароккано-мавританской администрации, а к 28 февраля 1976 года – дате окончательного ухода испанцев, как военных, так и гражданских лиц, из их «*заморской провинции*» – к временной (до окончательного решения про-

блемы Западной Сахары) марокканско-мавританской администрации. Указанным документом предполагался раздел западно-сахарской территории между Марокко и Мавританией на две примерно равные части таким образом, что северная ее часть (*Сагиет Эль-Хамра*) отходила Марокко, а южная (*Рио-де-Оро*) – Мавритании. Планировалось назначение в каждой провинции соответственно марокканского и мавританского губернаторов.

Руководство Алжира выступило с резкой критикой Мадридского соглашения на том основании, что, во-первых, в Мадрид не был приглашен его представитель, и, во-вторых, что в этом соглашении не была учтена позиция АНДР по проблеме. Поэтому продолжало настаивать на том, что проблема деколонизации территории Западной («Испанской») Сахары должна решаться исключительно в рамках Организации Объединенных Наций, то есть путем организации и проведения референдума о самоопределении населения этой территории.

* * *

Признание ООН за населением территории Западной («Испанской») Сахары *«неотъемлемого права на самоопределение и независимость»* имело серьезные далеко идущие последствия для будущего региона и его жителей. Прежде всего потому, что оно способствовало созданию (20 мая 1973 г.) Народного фронта за освобождение Сагиет Эль-Хамра и Рио-де-Оро, или Фронта ПОЛИСАРИО.

Инициатором создания Фронта выступил представитель племен регейбат аль-Уали Мустафа Сайед (1945 года рождения) – потомок эмира Маа аль-Айнина [здесь и далее см. 4, р.238-239]. Он родился и жил в Марокко, являясь марокканским гражданином западносахарского происхождения. Учился на факультете права Рабатского университета. По характеру был человеком набожным, приверженным исламским традициям. По политическим взглядам – правым националистом, сторонником египетских «Братьев-мусульман».

По завершении учебы аль-Уали М.Сайед задумался о своем будущем, которое для него как региби (*согласно местным традициям*) однозначно было связано с кочевым скотоводством в пустыне Сахара. Такая перспектива вряд ли могла прельстить молодого образованного человека, выросшего в цивилизованном обществе, познавшего современный образ жизни горожанина. Во избежание грозившей ему участи аль-

Уали воспользовался обсуждением сахарского вопроса в Организации Объединенных Наций и признанием ею права так называемого «сахарского народа» на самоопределение и независимость, решив организовать борьбу за осуществление этого права на практике. Для чего сформировал группу сторонников из числа сокурсников в составе четверых марокканцев и двоих мавританцев также западносахарского происхождения (*трое из них – военные, трое – гражданские лица*), в основном выходцев из семей кочевников и торговцев племен регейбат. Все они, как и аль-Уали, родились и выросли в Марокко. Там же получили образование.

Сначала целью аль-Уали и его соратников стала борьба против испанских колонизаторов в Западной («Испанской») Сахаре. Для этого они решили организовать партизанское движение в Мавритании с тем, чтобы затем с помощью ливийского оружия (*аль-Уали был дружен с Муаммаром Каддафи*) начать войну, освободить эту страну, после чего присоединить к ней провинцию Рио-де-Оро и на этой основе создать независимое сахарское государство.

Для осуществления задуманного заговорщики отправились в регион. Создали там Фронт ПОЛИСАРИО (*генеральным секретарем которого стал аль-Уали М.Сайед*) и Сахарскую народно-освободительную армию (СНОА). В мае 1973 г. началась вооруженная борьба против испанских колониальных властей. Однако месяц спустя они отказались от этого начинания, осознав, что их действия малоэффективны, поскольку приводили лишь к немедленным ответным действиям противника, которым они, не имевшие ни военной выучки, ни современных видов оружия, мало что могли противопоставить.

Тогда лидеры Фронта обратились за помощью к руководству Ливии и Алжира и получили ее. В августе 1974 г. их новым местопребыванием стали г.Тиндуф и его окрестности на юго-западе АНДР. С этого времени организаторы ПОЛИСАРИО вновь переориентировались на вооруженную борьбу. Провозгласили Фронт (*весной 1975 г.*) военно-политическим авангардом «сахарского народа», на этот раз – в борьбе за самоопределение и независимость Западной («Испанской») Сахары. Переформировали Сахарскую народно-освободительную армию.

Костяк СНОА составили почти все отряды сахарских кочевников «*Tropas nomadas*» испанской армии и испанской территориальной полиции («*Policia territorial espagnole*»). После

демобилизации (октябрь 1975 г.) испанскими властями около 85% этих солдат и полицейских присоединились к Фронту ПОЛИСАРИО и создали ядро его боевой силы. Иррегулярные отряды Фронта составили алжирские военнослужащие и наемники из соседних с территорией Западной (бывшей «Испанской») Сахары стран. Часть вооруженных отрядов образовали кочевники племен туарегов, местами кочевий которых исторически была территория Центральной Сахары площадью свыше 1 млн. кв. км в пределах Алжира, Ливии, Чада, Нигера, Мали, Мавритании.

Глубоко презирающие людей физического труда, но активно пользующиеся его плодами, привыкшие добиваться своих целей исключительно силой оружия туареги испокон веков отличались агрессивностью и воинственностью. Смыслом их существования всегда были свобода и независимость. После деколонизации территории Западной Сахары в соответствии с Мадридским соглашением их целью стало создание своего государства на этих землях, расположенных на западе, на значительном удалении от традиционных мест обитания туарегов, на территории, являвшейся родиной местных племен арабов, мавров и регейбат.

Так, наряду с проблемой деколонизации территории Западной Сахары в рамках ООН возникла проблема ее принадлежности в случае признания этого факта мировым сообществом. Таким образом, если на начальном этапе борьбу Фронта ПОЛИСАРИО можно было считать справедливой – антиколониальной, освободительной, то после вступления в силу Мадридского соглашения он автоматически превратился в незаконную, раскольническую, сепаратистскую организацию. Лидеры Фронта по определению стали восприниматься предателями родины, самозванцами, авантюристами, отщепенцами, а аль-Уали Мустафа Сайед – первым представителем племен регейбат, «*повернувшимся спиной к Марокко*» и опозорившим тем самым не только себя, но и славное имя эмира М. аль-Айнина [см. 4, р. 238].

* * *

Появление на территории Западной Сахары (в соответствии с Мадридским соглашением) представителей Марокко и Мавритании, гражданских и военных лиц, было воспринято лидерами Фронта как намерение аннексировать и оккупировать ее. Сторонники ПОЛИСАРИО считали, что проблема деколонизации

Западной («Испанской») Сахары ООН не решена, сохранилась, хотя и в видоизмененном виде, поскольку, по их мнению, на смену одному колонизатору (*Испании*) пришли другие, а именно: Марокко и Мавритания. Значит, необходимо продолжить решительную борьбу против двух этих стран с целью отстаивания признанного ООН на основе положений ее «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» права «сахарского народа» на территорию бывших западносахарских провинций Сагиет Эль-Хамра и Рио-де-Оро, ставших в соответствии с Мадридским соглашением составной частью национальных территорий соответственно Марокко и Мавритании.

Очевидно, однако, что эти территории не могли принадлежать лидерам Фронта ПОЛИСАРИО и их сторонникам. Даже, если бы они имели права на нее, то эти «*их права*» никоим образом не соответствовали бы правам коренного западносахарского населения на ту же территорию, которые никто не оспаривал. Ведь султан Марокко сам призвал племена регейбат прийти и жить на землях Западной Сахары, являвшейся составной частью Алаутской империи.

Оказавшись на этой территории, предки регейбат действительно приобрели в собственность значительную часть земель Западной Сахары. Но эти земли находились в пределах Алаутской империи, верноподданными марокканских правителей которой считали себя племена регейбат, их духовный лидер Маа аль-Айнин, его сыновья и преемники [см. 4, p.155]. Они с XVII века воспринимали западносахарскую территорию как родину, защищали ее во все времена от набегов иностранных завоевателей и никогда (*в отличие от лидеров Фронта ПОЛИСАРИО*) не намеревались создавать в пределах этой Алаутской империи собственное независимое государство. Более того, такая мысль им вообще никогда даже не приходила в голову.

2. ПОЗИЦИЯ АЛЖИРА ПО ПРОБЛЕМЕ В 1975–1991 гг.

Несмотря на несоответствие положений принятой ООН «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» подлинной истории территории Западной Сахары и жившего на ней населения, нарушая ранее достигнутые с Марокко и Мавританией договоренности относительно ее деколонизации, Алжир поддержал лидеров Фронта ПОЛИСАРИО, их позицию по проблеме и территориальные притязания. Более того, предоставил им часть своей национальной территории на юге страны, в районе г.Тиндуф и его окрестностей, где Фронт разместил (*август 1974 г.*) свою штаб-квартиру, а чуть позже организовал 6 лагерей беженцев из территории Западной Сахары, не пожелавших оставаться там вследствие прихода представителей Марокко и Мавритании (*в соответствии с Мадридским соглашением*), которые ввели туда свои войска.

Таким образом, Алжир (как, впрочем, и страны-члены ООН) не признал факта деколонизации Испанией территории Западной Сахары в соответствии с Мадридским соглашением от 14 ноября 1975 г. Соглашением, которое было принято к сведению ООН и зарегистрировано в ее Секретариате [см. 35, 23–24.11.1975]. Ведь речь шла о необходимости проведения референдума о самоопределении местного населения. Испания, Марокко и Мавритания потому и подписали это соглашение, что ООН недопустимым образом медлила с выработкой форм организации и проведением этого, самую ею же предложенного референдума, что вызывало недовольство всех заинтересованных сторон. Подписанием Мадридского соглашения Испания, Марокко и Мавритания попытались ускорить принятие окончательного решения по проблеме, не усматривая в этом намерении ничего предосудительного, поскольку предварительно оно было одобрено членами «Джемаа» с учетом мнения населения территории, что, по их общему мнению, в полной мере соответствовало резолюциям ГА ООН.

Однако можно было понять и ООН, которая при попытке организации и проведения референдума столкнулась с рядом проблем не только политического, но и технического характера. Прежде всего возникли трудности с выявлением участников опроса среди кочевого населения, которое, по, сути, не являлось населением собственно территории Западной («Испанской») Сахары. Но лидеры Фронта ПОЛИСАРИО, заинтересованные в увеличении численности коренных жителей этой территории, пытались выдавать за них не только кочевников центральных районов Северо-Западной Африки, но и жителей соседних стран региона, в том числе африканских государств.

* * *

Подписание Мадридского соглашения о деколонизации Испанией территории Западной Сахары и передаче ее под временное административное управление Марокко и Мавритании позволило определить сформировавшиеся на конец ноября 1975 г. основные конфликтующие (*Марокко/Мавритания и Фронт ПОЛИСАРИО*) и затронутые конфликтом стороны (*Алжир, Ливия*).

По рекомендации М.Каддафи Фронтом 26 февраля 1976 г. была провозглашена Сахарская Арабская Демократическая Республика (*САДР*) с целью строительства социализма, кроме того, было создано правительство САДР.

Мадридское соглашение послужило толчком к развязыванию Фронтом ПОЛИСАРИО и СНОА военных действий против вооруженных сил Марокко и Мавритании, а также привело к началу процесса массового (*благодаря активной деятельности Алжира в ООН, ОАЕ и ДНС*) признания Фронта ПОЛИСАРИО и САДР главным образом молодыми, недавно освободившимися от колониальной зависимости странами Африки, Азии, Латинской Америки, Океании, в основном социалистической ориентации.

Обострились отношения между Марокко/Мавританией, с одной стороны, и, с другой, – Алжиром, который в продолжение своей политики поддержки Фронта ПОЛИСАРИО признал САДР, начал оказывать политико-дипломатическую, военную, гуманитарную и иную помощь и поддержку Сахарской народно-освободительной армии, которая, созданная изначально для борьбы против испанских колонизаторов, стала использоваться Фронтом для борьбы против вооруженных сил Марокко и Мавритании.

В помощь Фронту Алжир направил войсковую часть, командовал которой Мухаммед Абдельазиз – алжирец по националь-

ности. Он вошел в состав руководства Фронта ПОЛИСАРИО. А после гибели (мнимой, как оказалось впоследствии) [см. 33, 4.06.1980], в бою во время нападения 9 июня 1976 г. бойцов Фронта на г.Нуакшот первого генерального секретаря ПОЛИСАРИО (1973–1976) аль-Уали Мустафы Сайеда [см. 4, р. 238–239] М. Абдельазиз стал его преемником на этом посту и одновременно председателем Исполнительного комитета, или Совета революционного командования САДР, а с октября 1982 г. – также президентом республики, участвовавшим в подготовке первой Конституции САДР.

Отныне официальная резиденция М.Абдельазиза находилась в г.Алжир. Там он получал отчеты, составленные на основе донесений с мест о ситуации и настроениях в лагерях беженцев в Тиндуфе и его окрестностях. Подписывал их и отправлял представителям высшего руководства страны. Те в ответ давали генеральному секретарю Фронта руководящие указания. В соответствии с ними М.Абдельазиз инструктировал представителей сахарских исполнительных органов о целях, характере и направленности их дальнейшей деятельности [см. 23, 15.02.1990].

Побудительные мотивы, определявшие позицию руководства Алжира по сахарской проблеме

Естественно, возникал вопрос о побудительных мотивах руководства Алжира, решительно вставшего на сторону Фронта ПОЛИСАРИО в отстаивании его позиции по проблеме Западной Сахары в противовес Марокко и Мавритании, имевшим очевидные исторические права на спорную территорию. Тем более, что еще совсем недавно руководство АНДР занимало по проблеме Западной Сахары позицию, аналогичную позициям этих двух стран. Во время визита в королевство в начале июля 1975 г. министр иностранных дел Алжира Абдельазиз Бутефлика заверял своих марокканских коллег в том, что *«Алжир остается верным своим обязательствам. Эти обязательства, – подчеркивал он, – ни в коей мере не подвержены влиянию преходящих событий»* [здесь и далее: 32, 5.07.1975]. И продолжал, обращаясь к ним: *«Наше и ваше будущее тесно связано, и как бы ни развивались события, мы будем солидарны и в радости, и в горе. Полагаю, что вековые связи,*

существующие между двумя нашими народами, ни в коей мере не могут быть омрачены какими-то интригами» – заявил он.

Однако уже 21 ноября 1975 г. председатель Революционного совета АНДР Х.Бумедьен, отвечая на вопрос корреспондента французской газеты «Юманитэ», почему Алжир, не выдвигая притязаний в отношении западносахарской территории, так интересуется сахарской проблемой, совершенно серьезно заявил: *«Проблема интересует нас потому, что развитие геополитической ситуации в регионе не может оставлять нас равнодушными. Обстоятельства требуют для Марокко всей Западной Сахары, а также Мавритании и значительной части национальной алжирской территории»* [здесь и далее: 38, 1975, № 614, р.20-21].

«Что же касается Западной Сахары, – невозмутимо продолжал глава государства, – то она не является ни марокканской, ни мавританской территорией». В то время как Алжир, по его словам, хочет *«выполнения резолюций Организации Объединенных Наций, уважения решений Международного суда и всеобщего права народов на самоопределение»*, имея в виду прежде всего *«народ Западной Сахары»*.

В ответ на замечание корреспондента, что любая вооруженная акция со стороны Фронта ПОЛИСАРИО могла бы рассматриваться Марокко как агрессия со стороны Алжира, Х.Бумедьен заявил: *«Когда наш народ мобилизуется, то это делается для действия. Наши соседи перешли границу. Они оскорбили наш народ. Можно дойти до оскорбления ответственных представителей, но народ оскорблять нельзя никогда»*. И продолжал: *«В отношении Алжира был проявлен национальный шовинизм. Попытка взять на вооружение проблему естественно вызывает такую же реакцию со стороны того, против кого она направлена. Алжир может на какое-то время запастись терпением и проявлять глухоту. Но он не может вести себя так всё время»*.

Подтверждением напряженности обстановки в регионе, согласно Х.Бумедьену, явился тот факт, что вошедшие на территорию Западной, бывшей «Испанской» Сахары вооруженные силы Марокко столкнулись там якобы с вооруженным населением. Итогом этого противостояния, по словам главы алжирского государства, *«в последние недели стали десятки убитых и раненых»*. На что корреспондент газеты выразил искреннее

изумление, поскольку находясь в названном районе в эти самые «последние недели», он не заметил там «ни мобилизации населения, ни больших сборов».

Настораживал ряд назидательных, имевших порой даже угрожающий оттенок замечаний главы государства об особой, определяющей роли АНДР в жизни стран и народов Магриба. Так, объясняя причину своего беспокойства развитием событий в регионе, Х.Бумедьен указывал: политика Алжира является «политикой равновесия в нашем регионе, учитывающей все интересы. Мы достигли равновесия, – продолжал он. – Если оно будет подвергнуто сомнению, это рискует принести множество бед. Не следует играть такими вещами. Наши соседи перешли границу. В отношении Алжира был проявлен национальный шовинизм». И главное: «Не следует упускать из виду, что мы являемся осью мира в этом районе».

И все это – после совсем недавних по времени уверений алжирских руководителей в вечной любви и дружбе с Марокко и другими соседями Алжира по региону (см. здесь, выше по тексту). И каким после этого заявлениям алжирского руководства стоило верить?!

Не свидетельствовал ли произошедший кардинальный сдвиг в их сознании о том, что их обуяла «мания величия», поскольку они взяли на себя роль арбитра, возомнили себя своеобразным «региональным жандармом». Вопрос только в том, сами ли они додумались до такого или им кто-то помог справиться с этой задачей. Уж не тот ли это «старший брат», та единственная на планете «исключительная» нация, внушившая им мысль, будто Алжир является «оплотом демократии» в Магрибе, что позволяло им самоуверенно заявлять: «Мы являемся и останемся первой державой региона» [31, 2.09.1999]. «Империя зла» сегодняшнего дня, которая в намерении установить на Земле «мировой порядок» по своему усмотрению определяет, кому жить, а кому умереть?

И это – при том, что в навязывании своих установок мироустройства в районе Северо-Западной Африки алжирское руководство обвиняло Марокко и Мавританию. Так, в интервью, данном Х.Бумедьеном 28 ноября 1975 г. специальному корреспонденту испанского еженедельника «Кампио-16», он прямо заявил: «Все знают политические обстоятельства, направленные на осуществление мечты “Великого” Марокко и толкающие его на путь все новых и новых завоеваний. Они от-

крыто говорят, что аннексия Западной Сахары является первым шагом на пути реализации этой гегемонистской политики, цель которой – создание “марокканской империи”» [цитируется по: 38, 1975, № 614, р. 22–23].

В этой связи представлялось бы уместным привести известный афоризм: *«Когда живешь в стеклянном доме, не стоит бросаться в прохожих камнями»*. Так, в письме министра иностранных дел Мавритании Хамди ульд Мукнаса председателю Совета Безопасности ООН (от 11 ноября 1977 г.) сообщалось следующее: *«Сопrotивление сахарского народа», на которое ссылается правительство Алжира, – не что иное, как «проявление политики агрессии и устрашения, используемой этим правительством в отношении Мавритании и Марокко вопреки всем нормам права и морали» [здесь и далее: 28, 1977, № 9411, р. 20]. «Захват в заложники невинных гражданских лиц и систематическая демонстрация намерения разрушить экономический потенциал Мавритании, – продолжал министр, – демонстрируют уровень морали, которую алжирские руководители пытаются, с одной стороны, навязать странам региона, а с другой, – мировому сообществу».*

Хамди ульд Мукнас пояснил: *«Алжир беспокоится не о признаваемом им антиколониальном движении, а о том, как бы бывшая держава, осуществлявшая административное управление Западной Сахарой (Испания), не озаботилась алжирской территорией в течение всего периода своего господства»*. Далее министр указал, что провозглашение на алжирской территории *«так называемой Сахарской Республики»* свидетельствует о попытке правительства Алжира *«создать в Западной Сахаре государство, основанное на племенной принадлежности»*, то есть *«создать на северо-западе Африки новый Транскей»*.

В свою очередь президент Мавритании Моктар ульд Дацца в интервью, данном им также 11 ноября 1977 г. французскому каналу «Антенн-2», уточнил цель Алжира, которая, по его словам, *«состоит в том, чтобы разрушить наше государство и экономику, особенно горнорудную промышленность. Алжир мог бы угрожать нам своей регулярной армией, – продолжал глава государства. – Но он не сделал этого до сегодняшнего дня. Он воспользовался услугами своих наемников» [28, 1977, № 9412, р.13], имея в виду бойцов Фронта ПОЛИСАРИО и СНОА.*

Судя по приведенным выдержкам из письма и интервью руководителей Мавритании, можно сделать вывод: в середине 1970-х гг. политический курс алжирского руководства определялся инстинктом господства и имперских амбиций региональной супердержавы. Ложью, предательством, захватом заложников с помощью наемников, находящихся у него на службе, а также попытками совершения убийств по политическим соображениям [см. 10, с.50].

Объяснением позиции Алжира в ответ на выдвинутые обвинения могло бы служить следующее заявление Х.Бумедьена: *«Существует страна под названием Алжир, и она является частью этого региона. Политическая действительность требует того, чтобы это была страна, с которой должно считаться [здесь и далее: 38, 1975, № 614, р. 22–23]. Провозгласив деколонизацию насущной потребностью современного мира, мы высказались за принцип самоопределения народов. Именно поэтому позиция Алжира по проблеме Сахары является принципиальной. И что бы ни произошло, наша страна сохранит свои установки и останется верной своему политическому выбору.*

Алжир избрал политику мира в этой части Западного Средиземноморья. Принцип самоопределения народов – и конкретно сахарского народа – это право располагать самим собой. Он является элементом равновесия в этой напряженной зоне. Чтобы в этом регионе восстановился мир, нужен кто-то, кто хотел бы этого мира. Это – проблема совпадения желаний. Мы – за стабильный мир в регионе, учитывающий интересы одних и других. Нам представляется, что последние решения и последняя позиция, занятая Мадридом, этому не способствуют.

Алжир готов к любому развитию событий, – продолжал глава государства. – Если официальная Испания сделала выбор, располагая территорией, которая ей не принадлежит, то мы тоже сделали выбор. Возможно, у нас – иные интересы, чем у Испании, и они таятся в другом месте и коренятся в будущем. Будущее – это Африка, арабский мир. На настоящий момент мы требуем ясности во всем. Позиция Алжира проистекает из чувства возмущения агрессией, принятой в отношении маленького народа. Следовательно, наша нынешняя забота состоит в сохранении мира, уважении принципов ООН и решений, принятых международными

организациями, недопущении того, чтобы один народ был подчинен другому».

Вместе с тем при виде патовой ситуации, сложившейся вследствие непримиримости противостоявших друг другу сторон и очевидной неразрешимости сахарской проблемы силовыми методами, руководство Алжира попыталось прибегнуть к мирному способу урегулирования конфликта. *«Поскольку положение – чрезвычайно серьезное, – заявил в этой связи министр иностранных дел А.Бутефлика, – мы хотели бы, чтобы руководители региона пришли к правильной оценке событий. Мы готовы еще раз изучить ситуацию в регионе со всеми руководителями, включая руководителей Фронта ПОЛИСАРИО – законных представителей сахарского народа. Мы готовы к дискуссии о поиске таких формулировок, которые отвечали бы интересам и тех, и других, но не попирая сахарский народ, не нарушая законность»* [здесь и далее: 35, 25–26.01.1976]. А.Бутефлика указал, что не надо усматривать в его словах *«какой-то компромисс»* вследствие неправильной их интерпретации.

«Следует понимать, – продолжал министр, поясняя цель своей инициативы, – что Алжир был бы готов рассмотреть возможность согласования действий с заинтересованными сторонами, включая Фронт ПОЛИСАРИО, без выдвижения требования предварительного вывода марокканских и мавританских вооруженных сил, но предусмотрев необходимые меры предосторожности, позволяющие каждому сохранить честь и избежать противостояния, способного взорвать обстановку в Магрибе. Остается узнать, встретит ли эта инициатива отклик в накаленной атмосфере, господствующей в разных странах».

По оценке Х.Бумедьёна, *«серьезная напряженность, характеризовавшая развитие ситуации в Западной Сахаре, явилась следствием оккупации этой территории вооруженными силами Марокко и Мавритании вопреки воле сахарского народа и в нарушение основополагающего принципа – его права на самоопределение* [здесь и далее: 10, с.158-160]. Алжирское правительство полагает, – по его словам, – что осуществление сахарским народом права на самоопределение является наиболее соответствующим средством мирного решения проблемы Западной Сахары.

Политика алжирского правительства по сахарскому вопросу, – продолжал глава государства, – *проникнута духом*

приверженности этому принципу. Кстати, – пояснил Х. Бумедьен, – эта политика совпадает с политикой мирового сообщества, доктрина которого в области деколонизации основывается на утверждении и уважении права народов распоряжаться своей судьбой. В конкретном случае, относительно Западной Сахары, эта политика была одобрена резолюциями Организации Объединенных Наций, Организации африканского единства, Движения неприсоединения» (здесь и везде далее: так в текстах оригиналов – Н.П.).

Руководство АНДР исходило из того, что *«отправной точкой опасного ухудшения положения в этом районе является явный разрыв правительств Марокко и Мавритании с принципом самоопределения как основой справедливого и мирного решения, соответствующего чаяниям сахарского народа»*. Разрыв, проявившийся, по его мнению, в решении марокканского правительства осуществить вооруженное вторжение в Западную Сахару под прикрытием «зеленого» марша. По мнению Алжира, подписание (14 ноября 1975 г.) Испанией, Марокко и Мавританией Мадридского соглашения (которое, повторимся, было принято к сведению ООН и зарегистрировано в ее Секретариате), полностью исключало права «сахарского народа» и было направлено на узаконение раздела территории и дележ ее богатств, то есть на подрыв процесса деколонизации территории Западной Сахары, намеченной Организацией Объединенных Наций в соответствии с принципами ее Устава и соответствующими резолюциями ГА ООН.

«Следовательно, – продолжал Х.Бумедьен, – бремя ответственности за создавшееся положение несут марокканское, мавританское и испанское правительства». И делал однозначный вывод: сопротивление сахарского народа, объединившегося вокруг Фронта ПОЛИСАРИО, отказавшегося признать и терпеть новое колониальное иго, вызвала именно военная марокканско-мавританская агрессия, предпринятая в сговоре с Испанией. Причем, по мнению главы алжирского государства, *«навязанная таким образом сахарскому народу война сопровождается обычным арсеналом средств ведения колониальных войн: “прочесывание” территории, массовые казни, отравление колодцев – источников жизни в этих пустынных районах, применение напалмовых бомб, массовое изгнание гражданского населения и т.д.»*

То есть, согласно Х.Бумедьену, *«решимость добиваться признания своих прав на национальное существование сахар-*

скому народу придала навязанная ему война». В этих условиях, продолжал он, «Алжир, подобно всем странам, верным принципу солидарности с угнетенными народами, не может уклониться от долга, обязывающего его оказать поддержку этому братскому соседнему народу, противостоящему кампании подлинного геноцида».

Эти утверждения выглядят сколь абсурдно, столь и нелепо. Ведь «сахарский народ», которому, по мнению Х.Бумедьена, была якобы навязана «военная мароккано–мавританская агрессия», это – граждане Марокко и Мавритании, ставшие такими после вступления в силу Мадридского соглашения. И как это можно было бы себе представить, чтобы руководители этих государств использовали против своих граждан «массовые казни, отравление колодцев» (по словам самого главы алжирского государства, «источников жизни в этих пустынных районах»), применение напалмовых бомб? И зачем, собственно, им это надо было бы делать? Такое невозможно себе даже представить! Этого просто не могло быть, потому что этого не могло быть никогда! И никакие разъяснения здесь даже не уместны.

Другое дело бойцы Фронта ПОЛИСАРИО и СНОА. Примкнувшие к ним западносахарцы с территории Северо-Западной Африки из соседних с Мавританией и Марокко стран, включая Алжир. Сахарцы территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары, «заблудшие и сбитые с толку», по словам короля Хасана II, которых он неоднократно призывал признать свою ошибку и вернуться домой в ответ на его призыв: «Родина – милостива и сострадательна» [34, 8.02.1992]. Всем им, выражавшим и отстаивавшим интересы сепаратистов, раскольников и предателей родины, действительно противостояли вооруженные силы Марокко и Мавритании. Но, если задуматься: что им оставалось делать в такой ситуации, если этот самый «сахарский народ», за чье воссоединение с родиной боролись руководители Марокко и Мавритании, не осознавая совершенную им ошибку, продолжал служить интересам врагов отечества?

Насчет напалмовых бомб – это вообще вопрос не к Марокко и не Мавритании. Что же касалось «массового изгнания гражданского населения» с территории Западной Сахары, то и это не соответствует действительности. Никто это «гражданское население» оттуда не изгонял. Если же кто-то и уходил,

то делал это добровольно, по собственному желанию и разумению. Так что не следовало бы нагнетать напряженность на пустом месте и выдавать желаемое за действительное.

* * *

Отрицая законность Мадридского соглашения, считая его ничтожным и недействительным, а правительства Испании, Марокко и Мавритании – не имеющими никакого права распоряжаться территорией бывшей Западной («Испанской») Сахары и судьбой ее населения [38, 1976, № 626, р. 37], руководство Алжира, тем не менее, осознавало неспособность в одиночку остановить противостояние конфликтующих сторон. Поэтому обращалось за содействием к Испании в надежде на то, что она *«сможет оценить реальную опасность обстановки, сложившейся и сохраняющейся ныне в Западной Сахаре, и в силу своей непосредственной причастности к страданиям региона внесет свой вклад в восстановление международной законности в соответствии с требованиями любой реальной политики деколонизации, безопасности и регионального сотрудничества»* [29, 19.02.1976].

Однако главным, что вызывало беспокойство алжирских властей, было опасение того, как бы военное противостояние в регионе, угрожавшее, по их мнению, *«в любой момент выйти за пределы сахарской территории – единственного пока что объекта агрессии, – не превратилось в войну непосредственно против Алжира, его народа и территории»* [10, с. 181].

Значит, руководство Алжира осознавало ответственность за содеянное! Но, если оно так опасалось выступления Марокко и Мавритании против него, зачем своим вмешательством в сахарский конфликт способствовало его разжиганию? Ведь совершенно очевидно: все его заявления в поддержку так называемого *«сахарского освободительного движения»* и осуждение *«аннексионистского и экспансионистского характера политики Рабата и Нуакшота»* [здесь и далее: 38, 1977, № 716, р. 25–27] безосновательны. Так же, как и утверждения, будто Конвенция о проведении пограничной линии между Мавританией и Марокко и Соглашение об экономическом сотрудничестве двух стран в Западной, бывшей «Испанской» Сахаре (подписаны 14 апреля 1976 г.), якобы *«незаконно решивших поделить между собой эту территорию, ее народ и природные ресурсы, целиком и полностью вписываются в рамки по-*

литики агрессии и свершившегося факта». Что «правительства Марокко и Мавритании не имеют никакого права располагать территорией Западной Сахары, будущим ее народа и его природными ресурсами». Что «сахарский народ, ведущий освободительную борьбу, противостоит навязанной ему войне геноцида». Что «лишь один он имеет право решать вопрос о будущем своей страны».

Создавалось впечатление, что выступлениями в ОАЕ в поддержку Фронта и так называемой Сахарской Республики руководство АНДР в действительности преследовало цель самоутвердиться в этой организации. Обращениями к правительству Испании с призывами на правах бывшей административной державы вмешаться в развитие событий в регионе Алжир на самом деле стремился привлечь внимание международной общественности к себе как *«миротворцу и защитнику справедливой борьбы братского сахарского народа»*. Позицию алжирских властей осудил министр сотрудничества Франции, обвинив их в потакании бойцам Фронта ПОЛИСАРИО (*совершившим в мае 1977 г. нападение на мавританский г.Зуэрат*) и, следовательно, вмешательстве во внутренние дела африканских стран. Однако вместо того чтобы задуматься, осмыслить, осознать всю серьезность предъявленного ему обвинения, алжирское руководство продолжало политику в поддержку Фронта. Не понимая или, скорее, не принимая то, что французский министр – не рядовой сотрудник администрации, а должностное лицо, занимающее высокий государственный пост. Кроме того, он является еще и официальным представителем крупной европейской державы, на правах бывшей метрополии продолжая нести ответственность за политику властей своих бывших колониальных владений. Не стал бы он, думается, выступать с таким обвинением, если бы для этого у него не было серьезных оснований.

Несмотря на это, руководство АНДР продолжало отстаивать правоту своей просахарской политики и поучать руководство Франции. Так, тогдашний министр иностранных дел А.Бутефлика утверждал, что *«в решении проблемы Западной Сахары участвуют две противоборствующие стороны. С одной стороны, – народ, отстаивающий свое право на существование и свободу, с другой, – Марокко и Мавритания, отвергающие право народа на существование и свободу»* [см. 19, 9.05.1977, серия СВ, л. 2–3].

«Французская точка зрения, согласно которой Фронт ПОЛИСАРИО квалифицируется “как агрессор”, представляется, по меньшей мере, неожиданной, – восклицал министр, казалось, искренне недоумевая, как можно квалифицировать агрессором освободительное движение?! В то время как истинными агрессорами являются те, кто разделил его национальную территорию!» (так в тексте оригинала – Н.П.) [здесь и далее: 10, с. 47–49].

И продолжал: «Само собой разумеется, национально-освободительное движение, преследующее врага, не может рассматриваться как агрессор ни с точки зрения права, ни с точки зрения политики. Франция должна прекрасно понимать это. Фронт ПОЛИСАРИО не может быть агрессором, – утверждал министр. – Им являются Мавритания и Марокко, а также все, кто оказывает им помощь в осуществлении этого недостойного предприятия.

Фронт ПОЛИСАРИО ведет войну за освобождение сахарского народа и его национальной территории (так в тексте оригинала – Н.П.). Было бы абсурдно говорить в данном случае об агрессии, если только не считать, что освободительная война в Западной Сахаре закончилась, и марокканцы и мавританцы законно занимают эту территорию, а Фронт ПОЛИСАРИО и, стало быть, сахарский народ смирились с таким положением как свершившимся фактом».

Наконец-то хотя бы А.Бутефлика, если не Х.Бумедьен, осознал суть проблемы. Правда, с точностью до наоборот. Разумеется, абсурдно говорить об агрессии, поскольку освободительной борьбу Фронта ПОЛИСАРИО можно было считать лишь в 1973–1974 гг., но не позднее, когда, неудачно закончившись, она перетекла в агрессивную, захватническую войну.

Марокканцы и мавританцы законно, в рамках принятого к сведению ООН трехстороннего испано–мароккано–мавританского Мадридского соглашения заняли территорию Западной, бывшей «Испанской» Сахары. Разделили ее между собой с учетом взаимных интересов и интересов коренного населения этой территории, воссоединенной с «родиной-матерью», то есть соответственно с Марокко и Мавританией.

Что же касается Фронта ПОЛИСАРИО и, «стало быть, сахарского народа», а также Алжира, то все они действительно не «смирились с таким положением как свершившимся фактом». Именно поэтому решение сахарской проблемы и засто-

порилось. Причиной послужило не что иное, как упорное и ожесточенное продолжение руководством АНДР политики поддержки и поощрения борьбы Фронта против Марокко и Мавритании, без чего этот Фронт не представлял собой ровным счетом ничего. Причем происходит это в ущерб не только нормализации обстановки в регионе, но и общественно-политическому и социально-экономическому развитию самого Алжира, власти которого всю серьезность положения своей страны, видимо, недооценивали, а возможно, в полной мере и не осознавали.

В продолжение прежнего курса на основе собственных умозаключений (*при отсутствии веских доказательств выдвигаемых им обвинений*), А.Бутефлика делал ошеломляющий вывод: *«Невозможно говорить о политике добрососедства и братства, когда одни плетут заговоры против других, используют свою территорию для деятельности тех, кто терроризирует соседей, и уклоняется от соблюдения общепринятых международных норм невмешательства во внутренние дела других. Что бы сказали марокканские братья, если бы алжирцы принимали центры отдыха, финансирования и подготовки банд террористов?»* [31, 2.09.1999].

Поистине: *«С больной головы – на здоровую!»* И это – при осознании руководством страны справедливости изречения: *«Ничто так не возвышает людей, как признание собственных ошибок, с тем чтобы соответствующим образом исправить их»*, [30, 1977, № 1671, р. 3212; 38, 1977, № 717, р. 14] – в применении его, однако, к самому себе.

Будучи совершенно убежден в непогрешимости своих утверждений, в ответ на обвинения французской стороны А.Бутефлика предьявлял претензии бывшей метрополии, указывая, что французский девиз *«Африка – для африканцев»* плохо согласуется с вмешательством в дела континента. Поэтому призывал *«африканские страны противостоять политике неокolonизма, использующего наемников для достижения своих целей; военному вмешательству в сугубо внутренние дела континента; разжиганию очагов напряженности в Африке; обострению разногласий между африканскими странами»* [19, 9.05.1977, серия СВ, л. 3]. Алжир продолжал убеждать мировое сообщество в том, что *«в Западной Сахаре развернулась настоящая освободительная война, сутью которой является игнорирование права сахарского народа свободно избрать свою судьбу»*. Именно это, по мнению

А.Бутефлика, *«привело к разжиганию геноцида, массового исхода тысяч сахарцев и породило ситуацию, в которой оказался наш регион»* [38, 1977, № 716, р.25].

Ситуация действительно обострялась. Поводом служили вовлеченность в сахарский конфликт Франции и реальная возможность направления ею в регион своих советников, оружия и снаряжения. Не способствовало умиротворению и заявление короля Марокко о намерении в условиях усилившейся напряженности в регионе оставить за собой *«право преследования»* партизан Фронта ПОЛИСАРИО за пределами границ королевства. Подлило масла в огонь и угрожающее предупреждение алжирского правительства, изложенное им 8 ноября 1977 г. в официальном заявлении, что *«любое нарушение границ АНДР будет иметь серьезные последствия для мира и безопасности в регионе»* [18, 4, 9.11.1977].

В послании А.Бутефлика председателю Совета Безопасности ООН (от 9 ноября 1977 г.) прямо говорилось о грозившей опасности развязывания вооруженного конфликта между Алжиром и Марокко, спровоцированного правительством Францией. *«Пользуясь ситуацией, которая неизбежно порождается любым вооруженным противостоянием, – утверждал алжирский министр, – французское правительство, официально подтверждая занятую им позицию нейтралитета, не скрывает принятого им решения и своих обязательств перед государствами-агрессорами, своих воинственных заявлений. Так же, как и массивной помощи, предоставленной марокканским и мавританским вооруженным силам для принятия ими уничтожения сахарского народа, что свидетельствует о явном желании разжечь конфликт и поддержать эскалацию»*, – делал голословный вывод А. Бутефлика.

По его словам, *«такая политика получила подтверждение в заявлении короля Марокко, который, отрицая существование сахарского народа и Фронта ПОЛИСАРИО (здесь и далее: так в тексте оригинала – Н.П.), хочет возложить ответственность за состояние войны, господствующее в Западной Сахаре, на Алжир; провозглашает, что марокканская армия “не поколеблется более в том, чтобы нарушить алжирские границы”, и упоминает о “праве преследования”»* [здесь и далее: 28, 1977, № 9411, р.18-19].

Причем выдвигая обвинения в адрес короля Марокко, А.Бутефлика предупреждал (в частности в интервью фран-

цузскому телевидению 12 ноября 1977 г.), что любое нарушение алжирских границ повлечет за собой «соответствующую ответную реакцию» алжирских властей. «*Наши национальные границы, – заявлял министр, – не будут нарушены безнаказанно. Это не значит, что мы хотим войны. Напротив*» [здесь и далее: 28, 1977, № 9412, р.12-13]. Но «*намерение французского правительства осуществить вооруженное вмешательство в дела региона и воинственные угрозы Марокко в адрес Алжира, – указывал он, – представляют собой серьезную опасность для мира и безопасности в Африке и Средиземноморье*» (Невольно вспоминаются строчки из басни И.А.Крылова: «*Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться*»?!).

Чтобы нейтрализовать эту «опасность», министр высказывал пожелание, чтобы Франция «*сделала необходимый задний ход и на деле проявила то, что она называет своим нейтралитетом*». «*Нам говорят, – продолжал он, – что Франция поддерживает право сахарского народа на самоопределение. Так пусть она доведет это до сведения конкретно Марокко и Мавритании, пусть поможет нам поразмышлять над тем, как успешнее всего осуществить на практике принцип самоопределения*», – заявлял он.

* * *

Короче, все виноваты в обострении обстановки в районе Северо-Западной Африки: и Марокко, и Мавритания, и Испания, и Франция. Только не Алжир. Поэтому он, «*всегда действовавший во имя установления отношений дружбы, доверия и сотрудничества со всеми соседями и средиземноморскими партнерами, может, – по словам А.Бутефлики, – лишь сожалеть по поводу препятствий, воздвигнутых сегодня французским правительством на пути достижения этой цели, к которой стремится сообщество народов региона, и предостерегает марокканские власти от любой попытки посягнуть на его суверенитет и территориальную целостность*» [здесь и далее: 28, 1977, № 9411, р.18-19].

Напоминая о неизменности позиции правительства АНДР по сахарскому вопросу, министр заявлял, что Алжир «*не прекратил призывать к мирному урегулированию конфликта в рамках инстанций, уже занимающихся этим вопросом, с целью оградить наш регион от любого иностранного вмешательства*

и гарантировать условия, необходимые для плодотворного сотрудничества». А. Бутефлика утверждал, что «порожденный таким образом конфликт в Магрибе не перестал обостряться в силу отказа правительств Марокко и Мавритании уважать решения международных инстанций и согласиться с мирным решением этой проблемы деколонизации. Сегодня, – продолжал он, – с размахом, который обретает сопротивление сахарского народа, международным вниманием, которого он добился, симпатией и солидарностью с ним, демонстрируемыми повсюду в мире, никто не может ни отрицать суть борьбы, ведущейся им под руководством Фронта ПОЛИСАРИО, ни игнорировать его желание восстановить свободу и достоинство».

И это – в то время, когда международная общественность уже начала осознавать, что Фронт ПОЛИСАРИО – это не «сахарское освободительное движение», а сепаратистская раскольническая организация. Что к подлинно сахарскому населению ни Фронт, ни организованное им движение не имеют никакого отношения. Тем более что это население уже самоопределилось в ходе неоднократно проводившихся в сахарских провинциях Марокко и Мавритании выборов в местные органы власти и подтвердило лояльность руководству каждой из этих стран.

* * *

В целом позиция Алжира по сахарской проблеме представлялась двусмысленной, авантюристской, если не сказать параноической. С одной стороны, руководство страны выступало в поддержку права так называемого «сахарского народа» на самоопределение и независимость территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары как «сахарского государства». С другой, – отказывалось признать тот очевидный факт, что «сахарцы» и «сахарский народ» – это не народ, не нация и не национальность в научном понимании. Это – географические определения, подобные таким понятиям, как «северяне», «поморы», «южане». Поскольку под ними подразумевались жители стран Северной Африки, часть территории каждой из которых занимает пустыня Сахара. А это – объединения многочисленных, в основном кочевых племен чистокровных или смешанных арабов, берберов, негроидов, исторически сложившиеся на основе общности территории, языка, экономической жизни и культуры в процессе разложения родоплеменных отношений, предшествующие нациям.

Руководство АНДР сознательно распространяло понятие «сахарский народ» одновременно на жителей территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары и «сахарцев» – сторонников Фронта ПОЛИСАРИО, содержавшихся в лагерях беженцев в Тиндуфе и его окрестностях на территории Алжира. Не признавая тот факт, что эти последние представлены не столько подлинными «сахарцами», то есть коренными жителями спорной территории, сколько уроженцами Алжира, Мавритании, Мали, Нигера, Буркина-Фасо, власти АНДР отказывались признать исторические права Марокко и Мавритании на территорию Западной, бывшей «Испанской» Сахары, косвенно признанные Международным судом ООН на основе документов, представленных ему Марокко и Мавританией в подтверждение этих прав.

С одной стороны, с самого начала освободительной антиколониальной борьбы алжирского народа (1954) его лидеры были убеждены «во всемирном историческом значении национально-демократической революции Алжира после завоевания независимости» [здесь и далее см. 7, с. 234; 49]. Революции, называвшейся ими «антиимпериалистическим восстанием», которое якобы олицетворяло собой эту самую «национально-демократическую революцию». Они возомнили и позиционировали Алжир вовне «ведущей державой», очевидным «авторитетом», «оплотом мира и справедливости» в регионе. Лидером не только в арабском мире, но и Африке в целом [см. 47; 50; 51].

В 1975 г. АНДР «пыталась получить доступ к Атлантическому побережью, заявив о претензиях на Западную Сахару» [47]. С другой стороны, не могла преодолеть закомплексованность, объяснявшуюся постоянными и необоснованными опасениями подвергнуться внешней угрозе со стороны Марокко и Мавритании, Франции и Испании, которые будто бы только и делали, что спали и видели, как бы навредить Алжиру и Алжирской революции.

Подспудные причины ввязывания Алжира в сахарский конфликт

Понять неадекватную и очевидно деструктивную политику АНДР по сахарской проблеме можно было бы, если обратиться в прошлое, в период господства Испании и Франции в регионе. Тогда в соответствии с принятым Берлинской конференцией (1884–1885) «Генеральным актом», провозгласившим «законность

эффективных» колониальных захватов, они неоднократно перекраивали карту Северо-Западной Африки в своих корыстных интересах. В результате чего часть территории Западного и Юго-Западного Алжира (*а именно: Тлемсен; Коломб-Бешар с богатым каменноугольным месторождением; Туат; Гуарару; Тиндуф и его окрестности с богатым железорудным месторождением Гара-Джебилет, а также коридор протяженностью около 40 километров, расположенный между руслом р.Драа в Южном Марокко и северной границей провинции Сагьет Эль-Хамра и идущий узким клином на запад от г.Тиндуф к Атлантическому побережью*), которые Марокко считало «своими», были произвольно приписаны ими Алжиру. Без учета того, что в историческом прошлом они входили в состав империй Альморавидов, Альмохадов, Маринидов, Ваттасидов, Саадидов, а с 1659 года – империи Алауитов.

Видя, как активно Марокко отстаивало в ООН «свои права» на территорию Западной («Испанской») Сахары, руководители независимого Алжира стали, видимо, опасаться возможности выдвигания им в случае достижения поставленной цели притязаний и на эти территории, предъявив в доказательство соответствующие, вполне вероятно, также сохранившиеся у него исторические документы. Территории, которые им совсем даже не хотелось бы кому-то отдавать, тем более – соседнему Марокко, (из опасения, как бы это не обогатило его экономически и не усилило политически и дипломатически в Африке и на международной арене). Алжирские власти забыли ту простую истину, что добрые отношения с соседями при всех обстоятельствах предпочтительнее. С соседями лучше не ссориться. Особенно, когда они правы. С соседями надо жить мирно и дружно! С родственниками можно конфликтовать: когда они прибегут к вам на похороны делить ваше имущество, то простят вам все прежние обиды. А с соседями пустячная ссора может перерасти в кровную месть, от которой можете серьезно пострадать и вы, и ваши потомки. До такого дело лучше не доводить!

Французы это понимали. Чтобы предотвратить возможность обострения в будущем алжиро–марокканских отношений, они еще в колониальный период перенесли границу в районе Фигиг (*на крайнем северо-востоке Марокко*), отклонив ее резко на юго-запад и таким образом «отрезав» Марокко от Коломб-Бешара и Тиндуфа – территорий с марокканским населением,

на протяжении веков зависевшим от центральной марокканской администрации.

При этом они не забыли и о себе, «любимых». Рассчитывая остаться в Алжире если не навсегда, то как можно дольше, французские колонизаторы решили расширить его территорию, отодвинув государственные границы как можно дальше. Благо для них, эти границы не везде были определены.

Что касалось южной мароккано–алжирской границы, то в накануне ухода французских колонизаторов из Марокко правительство Франции обратилось к его руководству (1956) с предложением провести сепаратные переговоры об урегулировании пограничных споров на этом участке границы в районе Сахары и решении вопроса о судьбе города Тиндуфа и прилегающих к нему территорий. Однако король Мухаммед V отказался от этого предложения, сочтя решение данной проблемы при отсутствии представителя алжирской стороны недопустимым и рассчитывая урегулировать пограничные споры непосредственно с национальным руководством Алжира после обретения им независимости. В результате уходя, французские колонизаторы оставили эту часть мароккано–алжирской границы неустановленной.

Однако ко всеобщему удивлению, пришедшее к власти в независимом Алжире это самое национальное руководство провозгласило суверенитет над Тиндуфом и прилегающими к нему территориями, нарушив тем самым марокканские права собственности на них. Точнее, права племен регейбат – фактических собственников г.Тиндуфа (*построенного марокканцами в начале XVI века*) [4, р. 136–139] и его окрестностей в пределах Шерифской монархии, включая железорудное месторождение Гара-Джебилет, которое региби, считавшие себя верноподданными марокканских правителей, воспринимали как свое достояние [см. 4, р. 155, 166].

Итак, руководство независимого Алжира нарушило права собственности племен регейбат на принадлежавшие им по праву земли и природные ресурсы. Вследствие чего обстановка в регионе резко обострилась и повлекла за собой развязывание в 1963 году боевых действий между регейбат и вооруженными силами АНДР. При таком развитии событий в ноябре 1963 г. племена регейбат сочли необходимым подтвердить преданность Марокко и выразить верноподданство королю Хасану II [см. 4, р. 166–167].

Желая разрядить возникшую напряженность мирным путем и одновременно сохранить за собой Тиндуф и прилегающие к нему территории с месторождением Гара-Джебилет, алжирское руководство предприняло усиленные попытки примириться с племенами регейбат. Для этого оно решило перевести их на оседлый образ жизни в этом районе их кочевий, создать там поселения, построить в них мечети, школы, ремесленные мастерские.

Кочевники регейбат – «*дети облаков*», как они себя называли, воспринимавшие пустыню как источник всех форм жизни и единственный способ существования, отнеслись к этим «*забавным*», на их взгляд, попыткам скептически [см. 4, р. 146]. По их словам, «*ни один регейбат не оспаривал ни принадлежность Сахары и Тиндуфа Королевству Марокко, ни собственную принадлежность Марокко*» [4, р. 155]. Поскольку с середины XVII в. эти племена хранили верность Шерифской монархии, ее султанам и королям, неоднократно подтверждали им свое верноподданство и свою марокканскую принадлежность [см. Там же].

Что касалось коридора на юге Марокко, то утверждение «*прав Алжира*» на эту территорию не могло не иметь принципиального и чрезвычайно важного, прежде всего с экономической точки зрения, значения для руководства страны, обретавшего благодаря этому коридору выход к Атлантике. Тем более, что «*эти права*» были зафиксированы во Франко-испанской конвенции (от 27 июня 1900 г.) о разграничении сфер влияния между Францией и Испанией в районе Северо-Западной Африки. Правда, позднее они были аннулированы секретным Соглашением (от 3 октября 1904 г.) о разграничении сфер влияния между Французской Западной Африкой и Алжиром, в соответствии с которым этот коридор был признан неотъемлемой составной частью марокканской территории. И это – естественно. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на политическую карту Северной Африки. В 1916 г. коридор был оккупирован испанцами, а в соответствии с Испано-марокканским соглашением (от 1 апреля 1958 года) окончательно возвращен Марокко.

О чем руководство независимого Алжира, разумеется, не могло не сожалеть. Как не могло оно заставить себя признать марокканскими территориями Тиндуф и его окрестности. Не поэтому ли министр иностранных дел А.Бутефлика твердо

заявил 15 апреля 1966 г. в интервью корреспонденту французского еженедельника «Монд»: *«Алжир – неделим с севера на юг и с востока на запад, и его границами являются те границы, которые он обрел в наследство от колониальной державы в момент провозглашения своей независимости»?! [3].*

Возникает вопрос, не имел ли в виду министр, утверждая это, провозглашение независимости государства, созданного в 1832 году на территории Западного и Центрального Алжира Абд аль-Кадиром? И не крылось ли в заявлении А.Бутефлики тайное намерение попытаться узаконить территориальные притязания на тиндуфский коридор, обращаясь к периоду, предшествовавшему созданию ОАЕ и принятию статьи ее Устава о принципах территориальной целостности и неприкосновенности границ стран-членов Организации на момент обретения ими политической независимости?

В пользу такой версии мог бы, на наш взгляд, свидетельствовать и факт развязывания в 1963 году кровопролитного вооруженного конфликта в районе Тиндуфа. По сообщению президента АНДР (с декабря 1976 г.) Х.Бумедьена, сделанному им 14 ноября 1977 г., *«в 1963 году, незадолго до нападения Марокко на Алжир (здесь и далее: так в тексте оригинала – Н.П.), переросшего в вооруженный конфликт между двумя странами, король Хасан II добивался использования Тиндуфа с целью атаковать Мавританию. Взамен этого он предлагал признать алжирские границы»* [здесь и далее: 30, 1977, № 1671, р. 3212].

Это сообщение вызывало серьезные сомнения в его достоверности и правдивости по ряду причин. Прежде всего потому, что король Марокко – умный, высокообразованный, цивилизованный человек. Для него (*как мы видели*) понятия чести, совести, достоинства – не пустые слова, а норма поведения, форма существования. Он выступить с таким предложением не мог просто в силу своих чисто человеческих качеств и свойств. Тем более, понимая, что в случае отказа (*а по словам Х.Бумедьена, «это предложение действительно было решительно отвергнуто Алжиром»*) о такой его инициативе могло стать известно широкой общественности. К тому же *«атаковать Мавританию»* Марокко было совершенно неразумно ни сухопутным, ни даже морским путем. Имея в виду политическую и экономическую цену такой акции. То есть для него и то, и другое наверняка выглядело совершенно неприемлемым.

И наконец, если даже допустить, что король действительно хотел присоединить Мавританию таким способом, зачем ему надо было предварительно портить с ней отношения, тем более на длительную перспективу?

В этой ситуации вполне реальной выглядела версия о развязывании конфликта именно руководством АНДР, за которым последовало изгнание 40 тысяч марокканских граждан, до этого времени веками живших мирно бок о бок с алжирскими гражданами в районе Тиндуфа и прилегающих к нему территорий. Чтобы исказить смысл происходящего, алжирские власти обвинили Марокко в развязывании агрессии в отношении Алжира, хотя никаких доказательств в подтверждение этого ими предъявлено не было [см. 2, с. 78–82].

Так или иначе, но после обсуждения вопроса о вооруженном конфликте 1963 года между Алжиром и Марокко в ОАЕ и ее специализированном Комитете «*ad hoc*» эти спорные территории были утрачены Марокко, юго-восток которого лишился своих минеральных богатств, в особенности железорудного месторождения Гара-Джебилет. Правда, взамен алжирские руководители обязались сотрудничать с Марокко, совместно с ним разрабатывать это железорудное месторождение, а добываемое сырье вывозить через Атлантическое побережье. На выгодных условиях продавать ему газ для развития национальной промышленности. Однако эти обещания алжирской стороной выполнены не были [см. 5, р. 283].

Несмотря на решение вопроса в интересах Алжира, Х.Бумедьен продолжал утверждать, будто «*первым военные действия с Марокко развязал не Алжир, а в случае, если его границы будут нарушены, он будет ограничиваться их защитой*» [здесь и далее: 30, 1977, № 1671, р. 3212]. «*Судя по всему, – заявлял глава АНДР, – король Марокко следовал советам Парижа с целью перевести сахарскую войну в алжиро-марокканскую и таким образом скрыть свои неудачи. Мы принимаем войну, – продолжал он, – если она нам навязана, но поскольку политика с позиции силы в Сахаре провалилась, – то руководитель Алжира выразил абсолютную уверенность в том, что «она неизбежно завершится войной против алжирского народа».*

Ну, что тут сказать? А пока приходилось терпеть досужие домыслы Х.Бумедьена о мнимой реальности угроз Алжиру со стороны Марокко и Франции, которые, по его утверждению,

«настаивали на том, что проблема Западной Сахары была искусственно порождена Алжиром или, точнее, самим Х.Бумедьеном» (в чем они и не сомневались! – прим. Н.П.) и что *«марокканская реакция вооружила некоторые элементы с тем, чтобы нанести удар по Алжирской революции»* [здесь и далее: 29, 16.11.1977; 38, 1977, № 717, р. 9–13].

Что целью Марокко и *«его лакея Нуакшота»* (так в тексте оригинала – Н.П.) является уничтожение сахарской армии.

Что в соответствии с мароккано-мавританским Договором о совместной обороне (*от 13 мая 1977 г.*) подразделения Королевских вооруженных сил (КВС), расквартированные в Мавритании, оккупируют часть территории этой страны (*в районе Эн-Бентили*), откуда угрожают Тиндуфу.

Что между французским правительством и марокканским режимом существует *«полная координация действий, поскольку их стратегия и опасения – одни и те же»*. Подтверждением чего служили заявления короля Марокко, утверждавшего якобы, по словам Х.Бумедьена: *«Каждый раз, когда я и мавританская армия будем атакованы в Испанской Сахаре, Я атакую Алжир. Каждый раз, когда в Сахаре будет проведена какая-либо акция, Я атакую Алжир»*. Таковы, согласно утверждениям главы АНДР, заявления короля Марокко. И тогда, и сейчас, когда король говорил о *«праве преследования»*, продолжал Х.Бумедьен, это свидетельствовало о *«серьезности обязательств, переживаемых нами»*.

В послании министра иностранных дел АНДР А.Бутефлики генеральному секретарю ОАЕ (*от 20 декабря 1977 г.*) указывалось на опасность развития обстановки в Северо-Западной Африке, сложившейся вследствие военного вмешательства Франции на стороне Марокко и Мавритании, а также интервенции Франции, направленной на уничтожение сахарского народа, сражающегося якобы за право на самоопределение [здесь и далее см. 29, 21.12.1977]. Вопреки мирным усилиям ООН и ОАЕ и инициативам Фронта ПОЛИСАРИО, продолжал министр, действия французской авиации против сахарского народа показали: Франция проводит политику геноцида в отношении африканского народа, борющегося за право на самоопределение, признанное ООН, ОАЕ и Движением неприсоединения.

В то время как Алжир не перестает выступать в поддержку *«права сахарского народа бороться всеми доступными ему средствами против агрессивных армий, вторгшихся на его»*

национальную территорию и продолжающих ее оккупировать» (так в тексте оригинала – Н.П.). Алжир продолжает утверждать, будто «проблема Западной Сахары является и остается проблемой деколонизации, что она включена в повестку дня ООН и ОАЕ и что никакой державе не дозволено ни исказить процесс, ни подменять собой две эти Организации» [38, 1977/1978, № 723, р. 9].

* * *

В целом позиция алжирского руководства АНДР в лице президента Х.Бумедьена и министра иностранных дел А.Бутефлики по сахарской проблеме – такова: *«Мы – за неприкосновенность границ, сохранившихся от периода колонизации, и за самоопределение сахарского народа [29, 4–5.05.1978]. Фактически мы с первого дня признали Сахарскую Арабскую Демократическую Республику. И если нынешняя сессия Ассамблеи ОАЕ на высшем уровне (Хартум, июль 1978 г.) намерена осудить политику Алжира, она вправе поступить так, но эта политика является политикой Алжира, и таков его выбор. Да, мы поддерживаем это движение, и почему, собственно, надо отрицать это и отвергать нас? Не в наших революционных традициях отказываться от своих обязательств [здесь и далее: 41, 1978, № 50, р. 21–22].*

Что касается нас, то мы хотели бы, чтобы проблема Западной Сахары была окончательно признана реально существующей проблемой, проблемой суверенитета, которую необходимо решать политическими путями и средствами.

Что касается Алжира, то он никогда не позволит ни одному своему солдату пересечь границы будь то Марокко, Мавритании или Западной Сахары, как никогда не позволит другим пересечь его собственные границы.

Проблема Западной Сахары – это проблема деколонизации. Организация Объединенных Наций, Организация африканского единства, Движение неприсоединения и Международный суд недвусмысленно признали право народа этой территории на самоопределение. Но несмотря на все их решения, держава, осуществляющая административное управление, и две страны-члены нашего движения в 1975 году подписали соглашение (Мадридское – Н.П.), открывшее путь к оккупации и силовому разделу территории [здесь и далее: 41, 1978, № 50, р. 31].

Алжир не выдвигает никаких притязаний, никаких требований. У него нет двусторонних споров ни с Марокко, ни с Мавританией. Единственный имеющий место спор – это спор, противопоставляющий сахарский народ тем, кто оккупирует его национальную территорию (так в тексте оригинала – Н.П.). Любое урегулирование конфликта, следовательно, проходит через свободный выбор сахарского народа, который совершенно самостоятельно должен определить свое будущее. Как в Тиморе и Белизе, так и в Западной Сахаре, существует одна и та же проблема, требующая одного и того же решения».

* * *

Итак, с первых лет независимости Алжира руководство страны в лице главы государства Х.Бумедьена и министра иностранных дел А.Бутефлики занимало твердую, решительную и непреклонную позицию по проблеме Западной Сахары в пользу Народного фронта за освобождение Сагиет Эль-Хамра и Рио-де-Оро (*Фронта ПОЛИСАРИО*). Считая его подлинно национально-освободительным движением, борющимся за осуществление так называемым «сахарским народом» права на самоопределение и независимость территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары в соответствии со статьями 2 и 5 ООНовской «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», согласно которым:

2. Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие.

5. На подопечных и самоуправляющихся территориях, а также на всех других территориях, еще не обретших независимость, должны быть незамедлительно приняты меры для передачи всей полноты власти народам этих территорий в соответствии со свободно выраженной ими волей и желанием. Без каких бы то ни было условий или оговорок и независимо от расы, религии или цвета кожи с тем, чтобы предоставить им возможность пользоваться полной независимостью и свободой [здесь и далее см.: 8, с. 57–573; 9, с. 74–75].

В то же время Марокко и Мавритания, не считавшие население территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары ни народом, ни нацией, ни национальностью, а Фронт

ПОЛИСАРИО – национально-освободительным движением (каковым он являлся лишь в 1973–1974 гг., а в последовавший период стал незаконной раскольнической, сепаратистской организацией, «находящейся на службе Алжира»), все эти годы боролись за восстановление своей территориальной целостности в соответствии со статьями 6 и 7 той же «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам». Согласно этим статьям:

6. Любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций.

7. Все государства должны строго и добросовестно соблюдать положения Устава Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека и настоящей Декларации на основе равенства, невмешательства во внутренние дела всех государств, уважения суверенных прав всех народов и территориальной целостности их государств.

Несовместимость положений первых (2-й и 5-й) и вторых (6-й и 7-й) статей не позволяла конфликтовавшим сторонам прийти к консенсусу в решении сахарской проблемы. Вина за это полностью лежала на Организации Объединенных Наций, которая вместо того, чтобы реально осуществлять функции миротворческой международной организации, на деле способствовала затягиванию урегулирования сахарского конфликта и тем самым – еще большему его разжиганию.

* * *

В феврале 1979 г. главой Алжира стал президент Шадли Бенджедид. Появилась слабая надежда на то, что, может быть, с его приходом в позиции АНДР по проблеме Западной Сахары произойдут позитивные изменения. Однако вскоре стало ясно, что эти надежды оказались призрачными. В сахарской политике Алжира ничего не менялось. Новое руководство страны с первых дней выразило твердое намерение *«безоговорочно поддерживать сахарский народ в борьбе за достижение законных прав на независимость и национальный суверенитет»*, которое, по словам Ш.Бенджедиды, *«останется непреложным правилом алжирской политики до конкретизации сахарским народом его высших целей»* [6, р.65-66]. Новый глава АНДР был убежден в том, что трудный процесс деколонизации

Западной, бывшей «Испанской» Сахары должен получить политическое решение, состоявшее в неотложном признании и осуществлении «законного права» «сахарского народа» на самоопределение и независимость в соответствии с резолюциями ООН и ОАЕ [см. 29, 15, 18.05.1979].

На первых порах определенную надежду на это главе государства давали: выход из войны Мавритании; признание новым руководством страны (*пришедшим к власти в результате военного государственного переворота 10 июля 1978 г.*) Фронта ПОЛИСАРИО; отказ от части территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары (*провинции Рио-де-Оро*), отошедшей к Исламской Республике по Мадридскому соглашению (но которая сразу же была воссоединена с провинцией Сагьет Эль-Хамра в территории Марокко); начало переговоров с лидерами Фронта с целью добиться справедливого и долговременного решения проблемы Западной Сахары.

Все это дало повод президенту Ш.Бенджедиду развернуть (в ООН, ОАЕ, ДНС) широкомасштабную пропагандистскую кампанию обвинений Марокко в экспансионизме и проявлении агрессивных намерений в отношении Алжира [здесь и далее подробнее см. 29, 13–14.07.1979; 41, 1979, № 53, р. 34–41]. Глава АНДР противопоставляя факт признания новым руководством Мавритании Фронта ПОЛИСАРИО как законного представителя сахарского народа и его права на самоопределение непреклонной позиции королевства по сахарской проблеме. Осуждал «вооруженный захват» Марокко части территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары, находившейся ранее под контролем Мавритании.

Глава Алжира призывал африканские страны осудить эти акты агрессии. Потребовать немедленного и полного вывода марокканских вооруженных сил со всей территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары, что, по его словам, являлось одним из предварительных условий полного восстановления мира и эффективного претворения в жизнь решений ОАЕ, касавшихся деколонизации территории Западной («Испанской») Сахары [см. 38, 1979, № 809, р. 6–7].

При этом алжирское руководство во главе с Ш.Бенджедидом так же, как и предыдущее (во главе с Х.Бумедьеном), считало сахарскую проблему проблемой деколонизации [см. 35, 10.10.1979], но не территориальной проблемой. Не проводило различия между регионом Западной, бывшей «Испанской» Са-

хары и районом Тиндуфа и его окрестностей, считая, что САДР была провозглашена и располагалась на западносахарской территории, а не на территории Алжира [см. 19, 4.09.1979, серия СВ, л. 5]. Власти АНДР утверждали, будто Алжир не выдвигает *«никаких претензий территориального или экономического характера, поскольку не в его правилах торговать принципами»* [здесь и далее: 38, 1980, № 864, р. 8–9], и отрицали притязания на Тиндуф, его окрестности и коридор, ведущий к Атлантическому побережью.

На словах они подтверждали готовность предпринять все возможные усилия для устранения подлинных причин напряженности, урегулирования конфликта и восстановления мира в регионе, а на деле постоянно поднимали сахарский вопрос во всех международных инстанциях, требуя от мирового сообщества принятия мер, направленных на обуздание мифического экспансионизма и агрессивности Марокко в отношении Алжира и других стран Магриба [подробнее см. 41, 1979, № 53, р. 34–41]. *«Если и существует сторона, насаждающая в регионе практику, враждебную арабской и африканской цивилизации, – заявил, в частности, в этой связи представитель МИД АНДР, – то ею является Марокко, ведущее колониальную войну и прибегающее к геноциду»* [здесь и далее: 19, 15.10.1981, серия СВ, л. 2–3]. Власти Алжира возложили, таким образом, всю полноту ответственности за положение, сложившееся в регионе и возможное его дальнейшее ухудшение на Марокко и отрицая *«полностью безосновательные»*, по словам официальных представителей Республики, встречные обвинения Марокко в адрес АНДР.

Позиция алжирского руководства по сахарской проблеме подкреплялась ведущей политической партией страны – Фронтом национального освобождения (ФНО), что придавало Ш.Бенджедиду больше уверенности в его государственной деятельности. В заявлении Политбюро партии ФНО относительно положения, сложившегося в Северо-Западной Африке (октябрь 1981 г.), говорилось следующее: *«Очевидно, что обвинения в адрес стран, не являющихся конфликтующими сторонами, не могут быть расценены иначе, как маневр. Его (Марокко – Н.П.) цель – выиграть время, извратить подлинный характер борьбы народа Западной Сахары в защиту своего права на самоопределение и независимость, а также замаскировать подлинный смысл борьбы Марокко против од-*

ного лишь народа Западной Сахары». Тем самым, указывалось в заявлении Политбюро, «марокканское правительство вновь пытается создать препятствия на пути установления мира и ищет предлоги для того, чтобы уклониться от исполнения воли Африканского континента».

«На мой взгляд, – заявил, в свою очередь, президент Ш.Бенджедид, – разумным решением проблемы было бы превращение в жизнь резолюции ОАЕ, предусматривающей организацию в Западной Сахаре всеобщего и свободного референдума, что позволило бы народу этой территории решить свою судьбу, покончив с этой проблемой». И выразил готовность оказать содействие Всеафриканской организации «с тем, чтобы прийти к мирному урегулированию этого конфликта и установить успешный диалог между нашими братьями из Королевства Марокко и Западной Сахары» [38, 1981, № 927, р. 9]. С тем, чтобы они, по его словам, «покончили с этой ситуацией, разрывающей регион, негативные последствия которой чувствуются не только на континентальном уровне, но и в “третьем мире” в целом» [29, 8.02.1982].

В феврале 1982 г. в Найроби (Кения) как бы в ответ на желание Ш.Бенджедида состоялось совещание на высшем уровне Комитета ОАЕ по организации референдума в Западной Сахаре. Король Марокко Хасан II отказался прибыть на встречу. Марокканскую делегацию возглавил министр иностранных дел Мухаммед Бусетта [здесь и далее см. 19, 10.02.1982, серия АФ, л. 10–12]. В свою очередь, прибывший в Найроби генеральный секретарь Фронта ПОЛИСАРИО Мухаммед Абдельазиз потребовал (так в тексте – Н.П.), чтобы до проведения референдума из Западной Сахары были выведены марокканские войска и администрация, и настаивал на прямых переговорах с Марокко, без которых, по его мнению, не могло быть найдено мирное решение проблемы Западной Сахары.

Марокко отказалось выполнить как эти требования, так и признать Фронт ПОЛИСАРИО, утверждая, что решить вопрос можно лишь путем закрытия границы с Алжиром и Мавританией, чтобы помешать проникновению на территорию Западной Сахары «наемников». Королевство выразило готовность провести переговоры с Мавританией (которая отказалась от всех территориальных притязаний в Западной Сахаре в 1979 году) и Алжиром (который поддерживал Фронт ПОЛИСАРИО).

В связи с тем, что весомых практических результатов в ходе работы совещания «в верхах» Комитета ОАЕ по организации референдума в Западной Сахаре достигнуто не было, президент Ш.Бенджедид сделал однозначный вывод: *«До сего дня ОАЕ слишком благоволила Марокко в надежде на то, что оно образумится. Но сегодня, – заявил он, – Марокко окончательно доказало, что рассчитывать на его добрую волю не следует. Будет ли Африка и далее оставаться столь же терпимой?»* – задавался вопросом глава алжирского государства. – *От ответа на этот вопрос, – продолжал он, – зависит авторитет нашей Всеафриканской организации»* [здесь и далее: 29, 10.02.1982].

Настаивая на необходимости прийти к *«справедливому и мирному решению»*, которое, по его словам, было бы невозможно *«без согласия, достигнутого в ходе переговоров между двумя воюющими сторонами»*, Ш.Бенджедид с сожалением заметил: *«Мы еще далеки от такого соглашения из-за сопротивления Марокко»*. При этом, ни слова не было сказано о *«сопротивлении»* Фронта ПОЛИСАРИО.

Как видим, алжирское руководство во главе с президентом Ш.Бенджедидом полностью сохранило преемственность позиции предшествовавшего правительства по проблеме Западной Сахары. То есть выступило в поддержку сахарцев – *«братского народа и передового движения, ведущего трудную, суровую, неравную, но такую героическую борьбу»* [здесь и далее: 29, 15–16.10.1982; 38, 5–11.11.1982, № 976, р. 10–11]. Оно сожалело о том, что *«усилия, направленные на достижение мира путем переговоров, мира, основанного на удовлетворении чаяний сахарского народа, признанных соответствующими многочисленным резолюциям ООН, ОАЕ и Движения неприсоединения и поддержанных мировым сообществом, не увенчались успехом»*.

Будучи совершенно уверены в том, что *«Фронт ПОЛИСАРИО и его политическое руководство... всегда предпочитали диалог языку оружия»* (так в тексте оригинала – Н.П.), алжирские лидеры считали своим долгом *«все привести в действие, чтобы провалить интервенционализм и маневры империализма и его союзников в нашем регионе, в особенности – против Сахарской Арабской Демократической Республики»*.

Алжирские власти полагали срочно необходимым, *«чтобы все страны, приверженные правам народов свободно распо-*

лагать самими собой, безоговорочно поддерживали» (так в тексте оригинала – Н.П.) их «усилия, характеризующиеся доброй волей и мудростью (так в тексте оригинала – Н.П.), чтобы тем самым способствовать установлению в Западной Сахаре мира, основанного на независимости» их «страны» (так в тексте оригинала – Н.П.).

Правительство Алжира выражало уверенность в том, что «завершение освободительной борьбы» (так в тексте оригинала – Н.П.) Фронта ПОЛИСАРИО и его руководства «и восстановление (так в тексте оригинала – Н.П.) национальной независимости (так в тексте оригинала – Н.П.) путем свободного осуществления» их «права на самоопределение (так в тексте оригинала – Н.П.), несомненно, откроют новые и многообещающие перспективы» перед их «мужественным народом (так в тексте оригинала – Н.П.) и всеми народами региона».

Власти АНДР заверяло сахарских лидеров в том, что Алжир «всегда был, остается и будет солидарен со всеми народами, борющимися за национальное освобождение, и будет продолжать поддерживать справедливую борьбу» (так в тексте оригинала – Н.П.) сахарского народа до окончательной победы».

В целом официальная позиция руководства АНДР по проблеме Западной Сахары представлена в заявлении постоянного представителя АНДР при ООН Мухаммеда Сахнуна, сделанном им на заседании Четвертого комитета Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам деколонизации, включая вопросы и несамостоятельности управляемых территорий (Нью-Йорк, 13 ноября 1982 г.). Чтобы не выглядеть голословными в своих оценках, считаем допустимым привести ряд выдержек из этого заявления:

«В течение значительного периода времени Марокко решительно отказывается встречаться с Фронтом ПОЛИСАРИО нигде, кроме как на поле брани.

Алжир, отношение которого к конфликту в Западной Сахаре основывается на принципах, ставших побудительной причиной его собственной национально-освободительной борьбы, может лишь еще раз подтвердить полную готовность помочь двум затронутым конфликтом сторонам проявить мужество согласия и мира.

В поисках мира, тем более подлинного и, следовательно, длительного, необходимого для безоговорочного признания права народов располагать самими собой, Организация Объ-

единенных Наций не может ни ослабить их бдительность, ни пощадить их усилия. Вот почему еще в этом году сначала Четвертый комитет, а затем Генеральная Ассамблея смогут подтвердить обязательство Организации Объединенных Наций воспользоваться своим политическим и моральным авторитетом (так в тексте оригинала – Н.П.), чтобы гарантировать народу Западной Сахары возможность осуществить его неотъемлемое право на самоопределение и независимость.

Они сделают это с полным осознанием и уверенностью в том, что таким образом еще раз придадут мировое значение честной деятельности ОАЕ, что будет свидетельствовать о справедливости и способствовать ускорению процесса. Борьба сахарского народа так же, как и деятельность Фронта ПОЛИСАРИО и Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР) позволили мировому сообществу осознать всю справедливость сахарского дела и поддержать его (так в тексте оригинала – Н.П.). Это стоило САДР законного признания рядом стран-членов Организации Объединенных Наций и большинством африканских государств и приема ее в ОАЕ в качестве 51-го члена Организации, несмотря на «оговорки» Марокко» [29, 14.11.1982].

* * *

Вместе с тем создавалось впечатление, что со временем алжирская сторона сделала все-таки определенные выводы из категорического отказа Марокко встречаться с представителями Фронта ПОЛИСАРИО и вести с ними переговоры. Усмотрев в этом отказе не прихоть, не каприз, не тупое упрямство, а суть принципиальной позиции королевства по проблеме, решение которой, по мнению его руководства, зависело исключительно от разрешения марокканско-алжирских противоречий.

Не могло алжирское руководство не учитывать и практические меры Марокко, осуществлявшиеся им для повышения эффективности борьбы против партизан Фронта ПОЛИСАРИО, которых оно именовало не иначе, как «*бандой наемников, вооруженных Алжиром*» [30, 15.07.1983, № 1966, р. 1722; 32, 11.11.1977; 33, numéro spécial, 3.03.1988; 34, 6.02.1992, 3.03.1992; 35, 6.10.1978]. Одной из таких мер стало строительство марокканцами (с начала 1978 г.) оборонительных заграждений вдоль восточной границы территории бывшей Западной («Испанской») Сахары с Алжиром, с марта 1976 года – терри-

тории королевства. Эти сооружения представляли собой широкие (двухметровые) насыпные валы из песка и камня высотой от 3 до 6 метров, снабженные радарными. Подступы к «стене» были заминированы. Использовались технические средства наблюдения и обнаружения. Линия обороны с системой опорных пунктов и подвижных отрядов и использование тактической авиации позволяли марокканцам вести боевые действия в выгодных условиях, наносить отрядам Фронта существенные потери в живой силе и технике и обеспечивать скрытность переброски воинских подразделений на угрожаемые участки.

Проявляя готовность действовать ради сближения позиций конфликтующих по сахарской проблеме сторон, с целью изыскания пути ее решения, «соответствующего неотъемлемому праву народа Западной Сахары на самоопределение и независимость», способствующего восстановлению мира и сотрудничества в регионе и воплощению в жизнь идеала строительства Магриба, президент Ш.Бенджедид выступил с инициативой встречи с королем Хасаном II. Тем более, что «Алжир всегда утверждал, что у него нет разногласий с Марокко» [38, 1983, № 993, р. 11]. Встреча состоялась 26 февраля (по другим данным, 28 февраля – Н.П.) 1983 года на алжиро–марокканской границе.

Мы не располагаем данными о том, как прошла эта встреча и к каким конкретно результатам пришли собеседники, однако можно сделать вывод: стороны договорились о совместной деятельности в деле обеспечения единства Магриба как пути урегулирования сахарского конфликта. Об этом можно судить хотя бы по реакции Центрального комитета партии ФНО по вопросам внешней политики, который в резолюции, принятой по завершении работы его 9-й сессии (г.Алжир, 3 июня 1983 г.), подчеркнул «историческое значение встречи президента Шадли Бенджедида и короля Марокко Хасана II, которая вписывается в рамки усилий по поиску справедливого решения проблемы Западной Сахары» [38, 1983, № 1007, pp. 22–23].

Президент АНДР подчеркнул решимость алжирского руководства, следуя принципам позитивного добрососедства, урегулировать все спорные пограничные вопросы с соседними странами, чтобы «не оставлять будущим поколениям тяжелое наследие колониальной эпохи, которое могло бы стать препятствием на пути их совместных действий на благо мира и прогресса [здесь и далее: 29, 21.04.1983]. Алжир, – отметил он, – стремится к плодотворному сотрудничеству

со всеми братскими странами, с которыми его связывают общие исторические и культурные узы.

Создание Великого Арабского Магриба, – подчеркнул он, – должно стать рациональным и позитивным шагом на пути достижения всеобщего арабского единства на здоровых основах, отвечающих интересам и устремлениям народов и учитывающих весь имеющийся опыт в деле борьбы за единство. Различие политических систем в наших странах, – добавил он, – не должно служить препятствием на пути создания Великого Магриба, стремление к которому владеет сознанием каждого магрибинца».

Итоги встречи президента АНДР и короля Марокко были с удовлетворением восприняты лидерами Туниса, Мавритании и Ливии [см. 29, 26, 27.07.1983; 38, 1983, № 1007, р. 12–13, 14–15]. Одобрив и поддержав идею строительства Великого Арабского Магриба, они подчеркнули, что она полностью соответствует чаяниям их народов и является важным шагом на пути к достижению общеарабского и всеафриканского единства. Заявили о готовности действовать во имя достижения этой цели на основе братства, сотрудничества, солидарности, общих интересов и взаимного уважения [здесь и далее см. 29, 27.07.1983].

Относительно сахарской проблемы все они подтвердили приверженность резолюции АНГ/104 19-й сессии Ассамблеи глав государств и правительств стран-членов ОАЕ по Западной Сахаре, (Аддис-Абеба, 6–11 июня 1983 г.), предложившей срочное и мирное политическое решение этой проблемы в рамках африканского и всего мирового сообщества путем устранения причин напряженности в регионе [см. 29, 12.06.1983; 38, 17–23.06.1983, № 1008, р. 10; 31.08. – 6.09.1983, № 1071, р. 24]. Сочли, что путь справедливого и долговременного решения проблемы Западной Сахары лежит в «целостном и верном осуществлении резолюции АНГ/104, принятой 19-й сессией Ассамблеи глав государств и правительств стран-членов ОАЕ» [здесь и далее: 27, 10.12.1983, № 26, р. 2]. Осознали, что «после получения проблемой Западной Сахары справедливого решения, перед всеми народами региона откроется новая эра взаимопонимания, согласия и сотрудничества, что позволит говорить о столь ожидаемом строительстве Великого Магриба».

Консенсус, достигнутый на 19-й сессии Ассамблеи на высшем уровне ОАЕ на основе принятой ею резолюции АНГ/104,

определил путь, формы и рамки решения сахарской проблемы. В свою очередь Организация Объединенных Наций, восприняв консенсус Африки как свой собственный, поддержала африканский план урегулирования всеобщим одобрением и обязалась поставить на службу ему свой авторитет и имеющиеся у нее возможности.

Однако вскоре достигнутое удовлетворение сменилось сначала настороженностью, а затем и беспокойством, вызванными подписанием (август 1984 г.) руководителями Марокко и Ливии Договора о союзе Королевства Марокко и Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (СНЛАД). У руководителей соседних стран, прежде всего, разумеется, Алжира, возникли серьезные вопросы относительно того, как подписание этого договора скажется на урегулировании сахарского конфликта; на взаимоотношениях стран региона, на перспективах создания Единого Арабского Магриба, поскольку при подписании Договора о союзе Ливии с Марокко Муаммар Каддафи вольно или невольно отстранялся от Фронта ПОЛИСАРИО, который ранее пользовался его поддержкой.

С конца 1984 г. произошли заметные перемены в мире. Наметилась тенденция изменения позиций ряда стран мира по сахарской проблеме в поддержку Фронта ПОЛИСАРИО и его борьбы против Марокко. Многие из тех, кто ранее открыл у себя представительства Фронта и посольства САДР, стали отменять свои решения и отзываться сделанные признания. Количество стран, воздерживавшихся от голосования на сессиях ГА ООН за резолюцию в поддержку «*права народа Западной Сахары на самоопределение*», стало намного превышать количество голосовавших «за» [см. 37, 29.10.1984; 42].

Возникли трудности, с которыми в решении проблемы Западной Сахары столкнулась ОАЕ, несмотря на то, что она приложила, казалось бы, максимум усилий для того, чтобы добиться «*подавляющего международного консенсуса по сахарскому вопросу и урегулированию конфликта, уважающего права каждого и почетного для всех*». Не учтя главное, а именно: позицию Марокко по проблеме, ОАЕ приняла в свои члены Сахарскую Арабскую Демократическую Республику [здесь и далее: 29, 28.11.1984], чем способствовала выходу из королевства организации в знак протеста против приема в нее САДР. В результате председатель ОАЕ с сожалением вынужден был признать, что «*африканское дело мира, заручившееся*

всеобщим согласием, было обречено на провал», не осознав, видимо, даже, что вина за это лежит именно на нем.

При таком повороте событий руководство Алжира не нашло ничего лучше, чем проявить готовность *«решительно действовать, чтобы помочь двум братским народам политически и мирно урегулировать конфликт, противопоставляющий их друг другу»*. И заявлять о намерении *«продолжать, не жалея сил, трудиться над справедливым и окончательным решением сахарского вопроса; решением, которое полностью удовлетворит законные устремления народа Западной Сахары»*. Власти АНДР выразили уверенность в том, что *«решение обязательно должно проходить через неукоснительное выполнение резолюции АНГ/104, которая остается единственным планом всеобъемлющего урегулирования, принятого в качестве справедливого и окончательного урегулирования сахарского конфликта»* [39, 1985, № 255, р. 8], наивно полагая, будто *«после получения проблемой Западной Сахары справедливого решения, перед всеми народами региона откроется новая эра взаимопонимания, согласия и сотрудничества, что позволит говорить о столь ожидаемом строительстве Великого Магриба»* [27, 10.12.1983, № 26, р. 2].

Единство Магриба было главной целью Алжира. По словам министра иностранных дел АНДР А.Т.Ибрагими, она была закреплена в Национальной хартии и Конституции и являлась одним из основных направлений внешней политики страны. Согласно министру, поколения, боровшиеся за освобождение магрибинских стран, тесно связывали достижение национальной независимости со строительством Великого Едино-го Магриба.

Однако сахарский конфликт оставался серьезным препятствием на пути магрибинского строительства, поскольку продвижение его в направлении политического урегулирования, полагал А.Т.Ибрагими, постоянно служило Марокко поводом для отказа от переговоров с Фронтом ПОЛИСАРИО о прекращении кровопролития и восстановлении мира [здесь и далее см. 38, 1987, № 1194, р. 17]. Министр полагал, что в желании конкретизировать магрибинский идеал Алжир никогда не жалел усилий ради того, чтобы способствовать устранению разногласий и политическому урегулированию сахарского конфликта путем переговоров, проведение которых стало бы, по его словам, результатом проявления воли марокканской и сахарской

сторон. С точки зрения этого требования готовность Алжира, по заверению министра, оставалась цельной и полной.

В 1986 году имели место две серии переговоров между делегациями Марокко и Фронта ПОЛИСАРИО, проходивших под эгидой генерального секретаря ООН и личного представителя председателя ОАЕ. Однако, по словам А.Т.Ибрагим, они показали, что позиции обеих воюющих сторон по основным вопросам чрезвычайно далеки друг от друга. Тем не менее алжирское руководство с упорством, достойным лучшего применения, продолжало подтверждать приверженность *«справедливому и окончательному политическому решению для урегулирования сахарского конфликта»*, призывая *«Королевство Марокко и САДР (так в тексте оригинала! – Н.П.) положить конец этому братоубийственному конфликту путем переговоров в интересах их народов, согласия и магрибинского единства»* [39, 1987, № 293, р. 8].

Тем временем завершалось (1987) строительство последнего (шестого), южного участка марокканской *«стены»* обороны на границе с Мавританией. В этой связи Алжир начал кампанию устрашения Исламской Республики с угроз утраты ею территориальной целостности, *«безопасности ее жизненных центров и экономических сооружений»*, оказавшихся в непосредственной близости от театра военных действий [здесь и далее см. 29, 20.04.1987]. Хотя ранее, когда партизаны Фронта ПОЛИСАРИО и бойцы СНОА проникали внутрь практически неохраямой территории Мавритании, безбоязненно продвигались по ней чуть ли не до Атлантического побережья, нападали на *«жизненные центры»*, обстреливали *«экономические сооружения (Зуэрат, май 1977 г.), находившиеся в непосредственной близости от театра военных действий»*, это алжирское руководство не беспокоило.

Оно предпочитало убеждать Нуакшот, и без того все более и более опасавшийся быть вовлеченным конфликтующими сторонами (*Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО*) в сахарскую войну, в том, что Марокко якобы хочет *«вовлечь»* Мавританию в сахарский конфликт [здесь и далее: 30, 29.04.1987]. Стараясь таким образом придавать *«этой новой явной демонстрации военного выбора Марокко»* видимость *«рискованной эскалации для мира и стабильности всего региона»*. Что представляло собой, по оценке руководства АНДР, *«серьезное посягательство на все усилия, предпринимаемые с целью мирного и*

справедливого политического урегулирования братоубийственного сахарского конфликта».

В этих условиях руководство Алжира, «верное своим принципам, прилагало огромные усилия для того, чтобы положить конец этой братоубийственной войне и сблизить точки зрения противоборствующих сторон, заявляло о готовности приложить еще большие усилия для восстановления мира и безопасности в регионе», что должно было, согласно ему, «*послужить интересам народов нашего Великого Магриба*». Именно в таком контексте Алжир подтверждал поддержку дела сахарского народа и солидарность с его борьбой за осуществление законных прав и завоевание независимости [29, 22–23.05.1987].

Для осуществления поставленных целей было решено «*добиться взаимодополняемости экономик, унифицировать общеобразовательные и культурные программы в качестве основного предварительного этапа на пути к этому единству*». Для этого был подписан (*г.Тунис, 19 марта 1983 г.*) Договор о братстве и согласии между Алжиром и Тунисом (*сроком на 20 лет*), к которому позднее (*13 декабря 1983 г.*) присоединилась Мавритания. В перспективе предусматривалось присоединение к Договору также Ливии. «*Мы стремимся заложить основы взаимодополняемости и координации действий с Ливией*» [29, 2.07.1987], – заявил в этой связи Ш.Бенджедид. В то же время Марокко было им фактически проигнорировано.

Поскольку нерешенность сахарского вопроса являлась основным препятствием на пути к достижению единства Магриба, алжирское руководство, согласно утверждениям министра иностранных дел, всегда занимало «*ясную позицию, как по сути сахарского конфликта, так и необходимости его мирного урегулирования*» [здесь и далее: 29, 8.09.1987]. Со времени принятия резолюции АНГ/104 19-й сессии Ассамблеи ОАЕ на высшем уровне (*июнь 1983 г.*) деятельность АНДР была направлена на облегчение претворения ее в жизнь конфликтующими сторонами.

Что же касалось позиций Марокко и Фронта ПОЛИСАРИО, то, по словам министра, не составляло труда обнаружить принципиальное различие их позиций в отношении требований мира. Так, Фронт, «*оказывая постоянно естественное вооруженное сопротивление* (и это – при том, что именно Фронт ПОЛИСАРИО развязал военные действия против Марокко! – *прим. Н.П.*),

охотно соглашается с упомянутыми резолюциями и берет на себя обязательство подчинить все завоевания, которых добился, включая сахарскую национальную реальность (так в тексте оригинала – Н.П.), закрепленную членством САДР в ОАЕ и признанием ее не менее чем 70 странами мира, свободному и подлинному народному вердикту».

С другой же стороны, указывал А.Т.Ибрагими, кивая на Марокко, *«в течение ряда лет проявляется нерешительная и переменчивая позиция (так в тексте оригинала – Н.П.) в отношении предписаний африканского и в целом мирового сообщества (а как насчет решительной и однозначной позиции, отвергаемой Фронтом ПОЛИСАРИО и стоящим за ним Алжиром? – прим. Н.П.) по вопросу о деколонизации Западной Сахары. Сопровождаемая постоянным на этот день военным выбором (а каким иным способом Марокко могло обороняться от нападений Фронта ПОЛИСАРИО, поддерживаемого Алжиром? – прим. Н.П.), как об этом свидетельствуют политика возведения «стен» (возведение «стен» совершенно очевидно вызывалось необходимостью обороны, а никак не «военным выбором» – прим. Н.П.) и приобретение вооружений из разных источников».*

Именно в таком контексте в течение двух лет осуществляется миссия добрых услуг генерального секретаря ООН и председателя ОАЕ, горестно восклицал министр. Этот процесс, который Алжир одобряет и поддерживает, вероятнее всего, будет продолжаться до тех пор, пока не изменится позиция АНДР по сахарской проблеме. Позиция, состоящая в том, что *«референдум о самоопределении сахарского народа призван вывести на независимое сахарское государство, которое Марокко должно было бы признать в таком качестве (с чего бы это вдруг? – прим. Н.П.), вопреки по-прежнему допущенному утверждению о принадлежности Западной Сахары Марокко».*

Потрясала легкость, с какой алжирское руководство извращало очевидные факты с единственной целью: оболгать Марокко, представить его мировому сообществу экспансионистом и агрессором. Один конкретный, уже упомянутый ранее пример среди множества других: выступая в Четвертом комитете ГА ООН по вопросам опеки, включая самоуправляющиеся территории (Нью-Йорк, 22 октября 1987 г.), посол Алжира при Организации Объединенных Наций Х.Джуди заявил буквально следующее: *«Строительство в этом году шестой*

“стены” в Западной Сахаре, идущей вдоль границы Мавритании, является слишком демонстративным военным выбором Марокко, чтобы не быть воспринятым всеми как отказ взять на себя бремя требований мира. Вписывающаяся в контекст процесса мирных услуг ООН и ОАЕ, – продолжал он, – эта инициатива, преследующая цель распространить силовую оккупацию чужой территории, питает военную эскалацию в Западной Сахаре и увеличивает напряженность в регионе, который этот конфликт обрекает на небезопасность и нестабильность» [29, 23–24.10.1987].

Трудно удержаться от возмущения столь извращенной интерпретацией фактов. Как можно утверждать подобное?! Построить «стену» для того, чтобы «оккупировать Мавританию»! Совершенно наоборот. Для того, – чтобы отгородиться от Мавритании, с территории которой бойцы ПОЛИСАРИО осуществляли неконтролируемые мавританскими властями вылазки на территорию Марокко! Зачем алжирскому руководству надо было опускаться до подобной очевидной лжи и клеветы? Понятно, разумеется, что политика – грязное дело. Но не до такой же степени! И сколько можно объяснять: не существует «сахарского народа»! Ни в Северо-Западной Африке, ни в странах Магриба. Тем более в Марокко, жителями которого являются марокканцы, в том числе марокканцы западносахарского происхождения, а именно: арабы, берберы, мавры (*арабо-берберы*), текна, региби. Они не имеют отношения к сахарцам, содержащимся в лагерях беженцев, с годами превратившихся в концентрационные лагеря, где в жутких бесчеловечных условиях содержатся оппозиционеры Фронта ПОЛИСАРИО, в том числе его первый генеральный секретарь аль-Уали Мустафа Сайед, попавший туда после того, как заявил, что «он хочет мира с Марокко и самоопределения» [здесь и далее: 33, 4.06.1980], осознавшие, что «ПОЛИСАРИО и его окружение – это инструмент, находящийся на службе Алжира и Ливии с целью создания трудностей Марокко».

И если представители международных организаций время от времени приезжали в Тиндуф и его окрестности и посещали эти лагеря, то по возвращении на родину избегали делиться впечатлениями о пребывании там. Почему? – Чтобы со временем, когда сахарский конфликт разрешится (должен же он когда-то разрешиться!) «подставить» алжирское руководство, долгие годы проводившее антимарокканскую (и антимавританскую

в 1975–1979 гг.) политику, чтобы не допустить объединения стран региона в Союз Арабского Магриба, который (как знать?) мог бы со временем превратиться в реальную силу, с которой США и странам Запада пришлось бы в какой-то степени считаться. А этого им наверняка ни при каких обстоятельствах не хотелось бы.

Будто бы осознав такую опасность, руководство Алжира предприняло попытку наладить взаимоотношения с Марокко, прерванные ранее из-за разногласий сторон по вопросу, касающемуся проведения референдума о самоопределении населения территории бывшей Западной («Испанской») Сахары, поскольку Алжир, по словам президента Ш.Бенджедида, не воспринимал разногласия как неизбежность и отказывался покориться увековечиванию ненормальной ситуации во взаимоотношениях соседних братских стран [здесь и далее см. 22, 25.05. – 1.06.1988; 33, 17.05.1988].

С этой целью 15 мая 1988 г. АНДР с официальным визитом посетила делегация Марокко в составе советника короля Хасана II Ахмеда Реды Гедиры и министра внутренних дел Дриса Басри. Главным итогом состоявшихся переговоров стало восстановление (с 16 мая 1988 г.) дипломатических отношений между двумя странами (на уровне посольств) как первого шага на пути ускорения процесса строительства Единого Арабского Магриба.

По оценке Ш.Бенджедида, *«восстановление алжиро-марокканских отношений не может не сказаться положительным образом на процессе мирного урегулирования сахарского конфликта»*, учитывая, что *«в регионе сложилась динамика диалога и сближения, которая естественно распространится и на обоих участников конфликта»* [здесь и далее: 25, 1988, № 19-20; 33, 26.07.1988.]. Алжир, добавил президент, *«безоговорочно поддерживает миссию добрых услуг ООН и ОАЕ, по-прежнему оставаясь расположенным к тому, чтобы облегчить прямой или косвенный диалог между двумя воюющими сторонами»*. А восстановление отношений с Марокко, по его словам, будет еще более способствовать достижению справедливого и окончательного мира в Западной Сахаре.

В целях осуществления договоренностей относительно строительства Единого Арабского Магриба 10 июня 1988 г. в алжирском г.Зеральда состоялась встреча руководителей

Алжира, Ливии, Мавритании, Марокко и Туниса, которым удалось заложить основы сотрудничества и координации действий в ожидании того, что в обстановке сплоченности, мира и спокойствия проблема Западной Сахары сможет найти решение [см. 38, 1989, № 1299, р. 29].

По мнению наблюдателей, встреча в Зеральде ответила ожиданиям народов Магриба. По оценке президента Ш.Бенджедида, в ходе ее *«проявилась единая политическая воля решительно действовать во имя достижения единства Великого Арабского Магриба, а это, – полагал он, – самое главное»* [здесь и далее: 35, 24.06.1988]. *«Алжир, – продолжал глава государства, – горит желанием сделать полезное дело. Наше поколение несет ответственность за то, чтобы в деле осуществления объединительного магрибинского проекта идти как можно дальше. Что касается форм, содержания и поступков, то здесь, – добавил глава государства, – имеется множество идей. Примиряя мужество и реализм, мы придем к тому, чтобы открыть путь к сплоченному магрибинскому целому, стабильному и процветающему»*, – сказал он в заключение.

Относительно восстановления дипломатических отношений между Алжиром и Марокко президент заметил, что *«оно произошло в результате политического диалога, в ходе которого был завершен процесс выяснения ситуации, протекающей из сути конфликта в Западной Сахаре и принципов, которыми следует руководствоваться при его урегулировании»*. Добавив при этом, что *«восстановлению алжиро-марокканских отношений способствовала деятельность ООН и ОАЕ в сотрудничестве с двумя конфликтующими сторонами»*. Достигнув конечной стадии, она, по словам Ш.Бенджедида, дала шансы этой динамике мира. То есть, согласно его утверждениям, *«атмосфера успокоения и безмятежности, которую породило это развитие событий, оказалась весьма благоприятной для сближения марокканцев и сахарцев»*. Особенно в условиях сохранявшейся *«солидарности алжирского народа с его братом – сахарским народом в его справедливой борьбе за свободу и национальную независимость»* (так в тексте оригинала – Н.П.) [39, 1989, № 339–340, р. 10].

Однако оценки руководством АНДР работы по строительству Единого Арабского Магриба, решению в его рамках про-

блемы Западной Сахары и созданию условий для обеспечения мира и спокойствия в регионе вызвали не столько удовлетворение достигнутым, сколько сомнения в возможностях осуществления задуманного. Действительно, Единый Магриб, сильное, политически и экономически самодостаточное государственное образование, иными словами, федерация микрогосударств – это прекрасно. Но разный уровень общественно-политического, социально-экономического, этнорасового, этноконфессионального, культурного развития стран региона, их финансовых возможностей и ресурсного потенциала рождал массу вопросов, связанных с реальными возможностями конструктивного взаимодействия этих микрогосударств, а главное – их руководства и народонаселения в этом едином государственном образовании.

Что касалось решения проблемы Западной Сахары – основного препятствия на пути создания Единого Магриба, – то проведение референдума о самоопределении населения территории бывшей Западной («Испанской») Сахары (ныне – марокканского населения западносахарского происхождения королевства) – сталкивается с большими трудностями, если не сказать что оно практически вообще неосуществимо. Это понятно не только королю Марокко, но и представителям ООН, призванным и начавшим проводить идентификацию лиц, имевших право участвовать в этом референдуме, а именно: специальному представителю генерального секретаря и группе наблюдателей ООН по осуществлению контроля за соблюдением режима прекращения огня и ходом голосования. Сотрудникам Миссии ООН по организации референдума (*МИНУПСО, создана 19 апреля 1991 г.*). Действовавшей в ее рамках Комиссии по идентификации лиц, достигших полных 18 лет на дату истечения срока внесения их имен в избирательные списки и имевших право участвовать в голосовании. При содействии вождей племен и с использованием средств контроля на основе списков переписи, составленных испанской администрацией в 1974 году, Комиссия должна была выявить сахарцев из числа коренных жителей территории бывшей Западной («Испанской») Сахары и составить новые списки участников готовившегося референдума.

Тем не менее Шадли Бенджедид рассчитывал на то, что сахарский конфликт удастся урегулировать в рамках Союза Арабского Магриба (*САМ, создан в феврале 1989 г.*) с учетом

взаимной заинтересованности Алжира и Марокко в активном развитии двустороннего и регионального сотрудничества. В ходе встречи руководителей обоих государств (январь 1990 г.) *«президент АНДР подтвердил (согласно сообщению Марокканского информационного агентства – МАП) искреннее желание Алжира продвигаться как можно дальше по пути укрепления отношений между двумя странами и тем самым вновь вернуться к вопросу о международной законности проблемы Сахары, решить которую, – как он не раз говорил, – хотелось бы в кратчайшие сроки»* [здесь и далее печ. по: 30, 1990, № 2308, р. 323]. *«Те же чувства и намерения»*, согласно МАП, были подтверждены и другими государственными деятелями Алжира, в частности, министром иностранных дел, заявившим, что АНДР считает сотрудничество с Марокко *«приоритетом из приоритетов»*.

В целом руководители АНДР и Марокко демонстрировали стремление *«обезопасить отношения между двумя странами от потрясений, вызванных сахарским конфликтом»*, которые в декабре 1988 г., по словам короля Хасана II, находились на *«самом низком уровне»*. Осенью 1989 г. они еще более охладели вследствие *«неистовых атак»*, предпринятых Фронтом ПОЛИСАРИО против вооруженных сил Марокко на территории бывшей Западной («Испанской») Сахары, точнее, в сахарских провинциях королевства.

Выразив в связи с этим глубокое сожаление, МИД АНДР призвал конфликтующие стороны избегать каких-либо действий, могущих сорвать Мирный план ООН по решению проблемы Западной Сахары, обратившись *«к их чувству ответственности на решающем этапе продвижения региона к миру и сотрудничеству в общем процессе построения объединенного Магриба»* [печ. по: 19, 13.08.1991, серия СВ, л. 2]. План, ставший результатом длительного процесса совместных добрых услуг ООН-ОАЕ, намеченного резолюциями АНГ/104 ОАЕ и 3940 Генеральной Ассамблеи ООН. В нем затрагивались все аспекты проблемы, а цель состояла в том, чтобы убедить Королевство Марокко и Фронт ПОЛИСАРИО как можно быстрее начать переговоры о прекращении огня и выработке форм организации референдума о самоопределении [подробнее см. 29, 12–13, 14, 31.08. – 21.09.1988].

Тем не менее даже вне зависимости от характера и состояния отношений Алжира и Марокко решение проблемы

в рамках Организации Объединенных Наций замедлилось. Причиной послужила смена генерального секретаря, вследствие чего было принято решение о переносе даты проведения референдума на более поздний срок [см. 23, 27.08.1991]. В результате единственное, чего ООН удалось добиться на тот момент, – это согласие конфликтующих сторон на проведение референдума.

Действительно, заявил Ш.Бенджедид, отвечая директору алжирской газеты «Аль-Ватан» на вопрос о сахарском конфликте, *«эта проблема является камнем преткновения в магрибинских отношениях, настоящих и будущих. Мы хотели бы, чтобы было найдено окончательное решение этого вопроса в рамках плана Организации Объединенных Наций и резолюции Совета Безопасности. Надеюсь, – продолжил он, – что этот перенос будет кратковременным и Организация Объединенных Наций сможет продолжить наблюдать за осуществлением этого плана, с которым согласны все – что особенно важно – конфликтующие стороны. Что касается нас, – заверил глава государства, – то мы поддерживаем и будем впредь поддерживать мирное решение этого вопроса в этих рамках»* [печ. по: 23, 27.08.1991].

Однако благостным надеждам Ш.Бенджедида на решение сахарской проблемы не суждено было сбыться. Причиной стали, однако, не трудности, связанные с сахарским вопросом, а резкое обострение (октябрь 1988 г.) политической обстановки в самом Алжире, которое охватило все стороны жизни общества. Ответом властей стало внесение поправок в конституцию (которые предусматривали отмежевание государственного руководства от высшего партийного) с целью последующего обсуждения их на всенародном референдуме. Принятие закона о многопартийности (июль 1989 г.) повлекло за собой увеличение количества массовых общественно-политических организаций, среди которых одной из наиболее влиятельных стал Исламский фронт спасения (ИФС) – партия исламских фундаменталистов. Этому во многом способствовала их активная пропагандистская деятельность среди населения, особенно молодежи, в том числе студенческой.

Используя общенародное недовольство сохранявшейся нерешенностью острых социально-экономических проблем, а также падением нравов под влиянием западной массовой культуры и западного образа жизни, ИФС ратовал за возвращение

в жизнь алжирского населения «исламских ценностей», введение шариата как основы национального законодательства и даже провозглашение АНДР «исламским государством», точнее: «исламским эмиратом». Благодаря этому к началу 1990-х гг. ИФС превратился в самостоятельную силу, способную идейно и политически влиять на ход событий в стране, что вызвало серьезное беспокойство руководителей Алжира, убедило их в необходимости противодействовать подъему фундаментализма в стране.

11 января 1992 г. военные в рамках Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) настояли на отставке президента Ш.Бенджедида. Учредили Высший государственный совет (ВГС, *новый орган государственной власти*). Заочно избрали руководителем ВГС Мухаммеда Будиафа – видного алжирского политического деятеля, героя национально-освободительной борьбы алжирского народа против французских колонизаторов, одного из основателей ФНО в 1954 году, позднее выступившего против политического курса алжирского руководства и в знак протеста с 1962 г. в течение 30 лет находившегося в эмиграции в г.Кенитра (Марокко).

Кроме М.Будиафа, в состав ВГС вошло еще трое видных политических деятелей – борцов за национальную независимость Алжира, что сделало его, по сути, органом власти армейской верхушки. Целями М.Будиафа и его ближайшего окружения стали восстановление государственной власти в стране с целью решения острых социально-экономических проблем; вывод АНДР из глубокого кризиса; предотвращение гражданской войны.

3. ПОЗИЦИЯ АЛЖИРА ПО ПРОБЛЕМЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ М.БУДИАФА

(январь–июнь 1992 г.)

Не обошел вниманием новый глава государства и проблему Западной Сахары, за попытками решения которой он следил с момента ее возникновения. В приводимом ниже изложении французской радиостанцией «Радио Восток» заявления (сделанного 31 декабря 1975 г.) председателя ВГС АНДР (переданном из Парижа «Агентством Франс-Пресс») [печ. по: 23, 26.08.1991] Мухаммед Будиаф «выразил убеждение в том, что сахарский вопрос должен был бы быть решен в интересах Марокко и Алжира».

Господин Мухаммед Будиаф, один из девяти «исторических» основателей партии ФНО Алжира, в заявлении, дошедшем до Парижа, сделал акцент на позиции Марокко по проблеме Западной Сахары и призвал алжирцев противостоять «братоубийственному столкновению». В этом заявлении господин Будиаф, находившийся в ссылке, утверждает в частности, «что быть сегодня вместе с алжирским народом – это то же самое, что быть вместе с марокканским народом: именно в этом состоит правда, и только правда – революционна».

Указав, что прервал молчание «потому, что угрозы вооруженного конфликта становятся опасными», лидер Партии социалистической революции (подпольной), которая находится в оппозиции едва ли не со времени завоевания Алжиром независимости, проанализировал доводы «этой эскалации братоубийственной войны».

Относительно Западной Сахары он напомнил, что Марокко «требуется ее слишком долго». «Какими бы ни были юридические уловки для подтверждения или оспаривания этого положения, появилось то, что, на мой взгляд, является капиталом, а именно: марокканский народ убежден в том, что Рио-де-Оро и Сагиет Эль-Хамра неотделимы от Марокко... Это проявление народной воли представляет собой, по моему

мнению, элемент законности, заслуживающий уважения», – добавил он по поводу «зеленого» марша.

Критикуя позицию алжирских руководителей по проблеме, Будиаф, в частности, заявил, что *«это страстное желание любой ценой добиться рождения в Сахаре нового суверенного государства плохо скрывает задние гегемонистские мысли»*. Для него желание *«сделать ратного коня из борьбы принципа самоопределения для населения, численность которого не превышает и шестидесяти тысяч душ, рассеянных по территории, площадь которой составляет более половины территории Франции, свидетельствует о чистой утопии»*.

Выступив затем, в частности, против *«изенания»* живших в Алжире 30 тысяч марокканских граждан (так в тексте оригинала – Н.П.), господин Будиаф закончил свое заявление *«тревожным обращением к алжирцам и алжиркам с призывом всеми силами противостоять стечению сложных бедственных обстоятельств, которое могло бы привести к братоубийственному столкновению»* [печ. по: 34, 26.02.1992; см. также 23, 13.02.1992].

И вот 17 лет спустя, выступая 7 февраля 1992 г. по алжирскому телевидению, М.Будиаф заявил по поводу проблемы Западной Сахары следующее: *«Между нами существует проблема, проблема Сахары. Что касается меня, то я думаю, что если с одной и другой стороны будет проявлено искреннее желание, то это желание – искреннее как с нашей стороны, так и со стороны марокканцев, которые мне хорошо известны и с которыми я обсуждал этот вопрос; [и] если наше желание состоит в том, чтобы построить Арабский Магриб, то нам надо как можно быстрее найти решение этого вопроса. И мы, благодарение Господу, найдем ему решение как можно быстрее»* [здесь и далее печ. по: 34, 8.02.1992].

В Рабате это выступление главы алжирского государства, посвященное сахарскому вопросу, было воспринято с огромным интересом, поскольку в нем впервые с 1975 года предлагалось найти быстрое и *«неамбициозное»* решение этого вопроса усилиями Алжира и Марокко. *«Поскольку брат Будиаф хочет быстрого решения, – сообщал, комментируя это выступление, политический директор марокканской газеты «Матэн дю Саара э дю Магрэб» Мулай Ахмед Алауи, – то самое простое и самое быстрое для достижения этого, что не потре-*

бует ни усилий, ни жертв, ни отступничества, – это тактично принять решение и элегантно уйти из Сахары.

Это означает, – продолжал М.А.Алауи, – что необходимо освободить заключенных в Тиндуфе (так в тексте оригинала – Н.П.) и позволить им вернуться на родину. Все данные о положении в лагерях Тиндуфа единодушны в этом отношении. Заключенные просят об одном: чтобы им предоставили возможность вернуться к себе домой, а заблудшим, сбитым с толку, – воспользоваться, как и сотням других, признавших свою ошибку, призывом Его Величества Короля: «Родина – милостива и сострадательна».

Далее необходимо, чтобы Алжир перестал оказывать Фронту ПОЛИСАРИО любую прямую или косвенную помощь, ибо этой горстки заблудших и сбитых с толку не существовало бы и она не выжила бы без поддержки Алжира.

Таким образом, освобождая заключенных в Тиндуфе и ликвидируя в этом районе очаг напряженности и подрывной деятельности (так в тексте оригинала – Н.П.), Алжир, – по мнению М.А.Алауи, – сделал бы справедливое и доброе дело; окончательно укрепил бы свои добрые отношения с Марокко, а Марокко, которое всегда в трудные часы было на его стороне, также будет на его стороне и завтра.

Господин Будиаф, несомненно, входит в число ответственных представителей Алжира и занимает наивысший пост, обеспечивающий ему возможность положить конец этому положению. Он никогда не был замешан в спорных инициативах, проявленных в Алжире, и, находясь в Марокко, сумел дать себе отчет в том, что сахарская проблема стала для королевства идеей, объединившей всю нацию (так в тексте оригинала – Н.П.); что Марокко стремится к выработке окончательного решения, дабы оздоровить отношения с Алжиром, и таким образом заложить основы Великого Арабского Магриба, как того, собственно, желает и господин Будиаф», – сообщал М.А.Алауи в своем комментарии, не сомневаясь в том, что М.Будиаф – это именно тот человек, тот государственный деятель, которому под силу решить проблему Западной Сахары в интересах Алжира, Марокко и всех стран региона.

Выступая на пресс-конференции (Алжир, 16 февраля 1992 г.) для выходцев с территории бывшей Западной («Испанской») Сахары, председатель ВГС АНДР сказал им, что «имеется политическая воля покончить с этим делом. Почему? – Потому

что одной из первоочередных задач Алжира мы считаем необходимость определиться в североафриканской действительности. Я – за укрепление САМ; за то, чтобы придать САМ прочные основы; позволить наладить внутри него обмен, свободное хождение товаров и людей, внешнеэкономические связи между тремя странами... (так в тексте оригинала – Н.П.)

Пять стран и в особенности три из них, а именно: Тунис, Алжир и Марокко, – могли бы помочь в этот момент перегруппировкам наций говорить на одном языке, что отвечало бы общим интересам (...)» [печ. по: 34, 8.02.1992].

Нельзя, на наш взгляд, обойти вниманием также интервью М.Будиафа корреспонденту марокканской газеты «Аль-Иттихад Аль-Иштираки» (Рабат, 23 февраля 1992 г.). «Я принадлежу к тем, – сказал председатель ВГС Алжира, – кто верит в союз Северной Африки. Я воспитан в таком духе с детства и пытался реализовать эту идею в годы освободительной борьбы путем политической и военной координации действий с марокканским Движением сопротивления. Кроме того, исторические условия и личные обстоятельства привели меня к осознанию того, что таким союзом надо жить и в личной жизни. У меня есть друзья в Марокко и Тунисе. Дружбой с ними я горжусь больше, чем своими дружескими отношениями с алжирцами.

Считаю, что достижение мира, согласия и сотрудничества между североафриканскими государствами – это задача дня. И я не пощажу усилий ради обеспечения объективных условий для достижения этого.

Нам следует построить общее будущее, – заявил М.Будиаф. – Основы союза заложены. Это – прежде всего география, история, общая кровь, пролитая на нашей земле. Мы предали бы наших героев-мучеников, павших на полях сражений на севере Константины и в Среднем Атласе, если бы нам не удалось достичь мира и согласия между нашими государствами.

Могу заверить вас в том, – продолжал глава государства, – что строительство союза Северной Африки будет приоритетным направлением нашей региональной внешней политики, чтобы стремиться к выработке общей позиции в отношении европейцев и других, и вместе защищать наши общие интересы.

Хотел бы быть откровенным с вами до конца по вопросу, который, как я знаю, касается вас лично и беспокоит в про-

фессиональном плане, а именно: по проблеме Сахары. Я уже выразил позицию по этому поводу. Братьям-марокканцам она известна, и я не хочу повторяться. Мне представляется важным подчеркнуть, что алжирское руководство испытывает желание решить эту проблему в самые сжатые сроки.

Мы начали изучать этот вопрос с теми, кто принимает решения. Я приступил к контактам и широкому согласованию позиций со всеми братьями, имеющими отношение к этому вопросу; со всеми, кому есть что сказать по этому поводу. Могу заверить вас в том, что сегодня мы пришли к полному взаимопониманию относительно необходимости как можно быстрее выработать решение этой проблемы, отвлекающей мароккано–алжирские отношения и тормозящей продвижение по пути к миру и согласию в Северной Африке.

Возможно, мы не располагаем еще практическими и достаточно ясными идеями, но мы, в кругах, занимающихся выработкой решений, убеждены в необходимости найти быстрое решение. В будущем мы рассмотрим пути решения проблем беженцев и вооруженных элементов. Буквально это я сказал их представителю на приеме, данном послам. Не знаю, понял он это или нет, но я воспользовался случаем, чтобы изложить ему позицию алжирского государства. Он пришел к такому же мнению, что и другие “послы”, и я сказал ему то, о чем только что напомнил вам.

Поэтому я категорически опровергаю слухи о проникновении вооруженных элементов с алжирской территории на территорию Марокко. Мы никому не давали оружия и не сделаем этого в будущем. Это – наш выбор, ясный и непреложный. Алжир решил окончательно отказаться от политики дестабилизации. Мы – против применения насилия в Алжире и никогда не используем его против соседей»...[печ. по: 34, 8.02.1992].

В свою очередь, министр коммуникаций и культуры АНДР Абу Бакр Белькаид в заявлении представителям средств массовой информации (Алжир, 2 марта 1992 г.), сделанном в соответствии с официальной позицией Алжира, изложенной в предыдущих заявлениях и интервью главы государства, подтвердил, что Алжир не сделает «ничего в военном или дипломатическом планах для разжигания конфликта» в Западной Сахаре. Что «у Алжира нет новой позиции по проблеме Западной Сахары, но у новой власти есть политическая воля решить вопрос как можно быстрее, – добавил А.Б.Белькаид,

уточнив, однако, что между Марокко и Алжиром не начато никаких двусторонних переговоров по этому поводу. Мы находимся лишь на стадии намерений» [здесь и далее печ. по: 23, 3.03.1992], – сказал он.

Отвечая на вопрос об организации референдума на территории бывшей Западной («Испанской») Сахары, предусмотренного Мирным планом ООН, министр добавил: «Алжир включает свой демарш в рамки международной законности, но не будет делать ничего такого, что может дать повод Фронту ПОЛИСАРИО считать, что он мог бы занять неприимимые позиции и опираться на АНДР».

Президент М.Будиаф (в заявлении корреспонденту независимой алжирской газеты «Ас-Салам» 5 марта 1992 г.) счел этот План организации референдума (дата проведения которого, однако, определена пока не была) способным урегулировать сахарский конфликт. И выразил надежду на то, что «восстановление доверия между Марокко и Алжиром даст быстрые результаты в этой области» [здесь и далее печ. по: 23, 6.03.1992].

Глава государства напомнил, что в начале конфликта (в 1975 г.) он настаивал на том, чтобы Алжир «оставался отстраненным» и «не связывал этот вопрос с окончательным установлением его границ с Марокко». Однако «в настоящее время, – сказал он, – я являюсь государственным человеком, в наследство которому досталось положение, вытекающее из ясной политической практики, проводившейся в течение ряда лет. Я должен учитывать это положение и, в частности, дорожить словом Алжира и его ролью в регионе.

Что касается решения вопроса о Западной Сахаре, то существует Мирный план ООН, но если между Алжиром и Марокко восстановится доверие и подтвердятся их добрые намерения, следует ожидать быстрых результатов в этой области», – добавил он.

Глава государства не дал более уточнений, но в феврале того же года сделал ряд заявлений оппозиционной марокканской печати о «сахарских беженцах» и «вооруженных элементах» Фронта ПОЛИСАРИО.

На этом деятельность М.Будиафа в попытках решить проблему Западной Сахары совместными усилиями в общих интересах Алжира и Марокко закончилась. Причиной послужил выход на политическую арену АНДР (начало февраля 1992 г.) формировавшихся внутри Исламского фронта спасения груп-

пировок экстремистского толка, движущей силой которых являлась молодежь, развернувшая террористическую деятельность по всей стране. В марте активизировались контакты исламистов ИФС с их единомышленниками в Судане, Иране, Афганистане, Ливане, откуда им поступала помощь оружием и где готовились боевики для пополнения экстремистских группировок, действовавших внутри Алжира.

Деятельность ИФС дала алжирскому руководству законное основание предъявить его лидерам обвинения в призыве населения к вооруженному восстанию против законных властей и создании вооруженных формирований. Судебный процесс начался 27 июня 1992 года в военном трибунале города Блида, а через два дня (29 июня) на председателя ВГС было совершено покушение, в результате которого он погиб. Убийство М.Будиафа грозило Алжиру очевидным развязыванием гражданской войны между исламистами и военными и установлением в результате победы тех или других кровавого диктаторского режима.

Подозрения в покушении на жизнь главы государства падали одновременно как на исламистов, так и на военных – представителей хунты, приведших к власти М.Будиафа, не оправдавшего, однако, их надежды своей политикой «замирения» с Марокко, которое алжирские военные с первых лет независимости страны привыкли воспринимать одним из главных врагов Алжира, а также мерами по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти. Недаром утверждалось, что покушение на М.Будиафа совершил собственный телохранитель, застреливший его, когда он выступал на церемонии открытия культурного центра в г.Аннаба [см. 43; 45; 46].

На наш взгляд, не стоило бы сбрасывать со щитов вполне вероятную причастность к убийству М.Будиафа лидеров Фронта ПОЛИСАРИО, имевших на то серьезные основания [подробнее здесь и далее см. 1, с.38-40, 49]. Прежде всего потому, что М.Будиаф намеревался отказаться от признания Сахарской Арабской Демократической Республики. Приостановить деятельность военно-политических структур Фронта ПОЛИСАРИО на территории Алжира. Сконцентрировать всех членов Фронта в двух больших лагерях вблизи Тиндуфа, добиться их отказа от признания САДР, поставить перед выбором: либо покинуть территорию Алжира, либо обрести статус беженцев, взяв при этом на себя твердое обязательство прекратить политическую

деятельность. М.Будиаф предполагал отказаться от предоставления лидерам Фронта финансово-экономической и военной помощи (*что вынуждало их сворачивать деятельность и распродавать имевшееся у них имущество и оружие*). Планировал путем демаркации государственной границы с Марокко ликвидировать очаг напряженности на алжиро–марокканской границе, преодолевая которую партизаны Фронта и бойцы СНОА беспрепятственно проникали на марокканскую территорию, где совершали вооруженные террористические акции против мирного гражданского населения соседнего, по сути, дружественного государства. Новый руководитель АНДР намеревался в кратчайшие сроки решить проблему Западной Сахары усилиями Алжира и Марокко, отойти от политики дестабилизации обстановки в регионе, косвенно подтвердив деструктивную роль президента Х.Бумедьена в развязывании сахарского конфликта.

Нельзя было также исключать необходимость принятия радикальных мер для срочного преодоления серьезного общественно-политического и социально-экономического кризиса, охватившего Алжир в октябре 1988 г. и сохранявшегося до середины 1990-х гг., на фоне которой нерешенность сахарской проблемы являлась лишней болевой точкой в политической жизни страны.

4. САХАРСКАЯ ПОЛИТИКА АНДР ПОСЛЕ М.БУДИАФА

Смерть М.Будиафа внесла существенные коррективы в политику Алжира в отношении Марокко и негативным образом сказалась на перспективах решения проблемы Западной Сахары. Прежде всего испортились отношения двух стран по текущим вопросам взаимодействия, в том числе относительно открытия наземной границы между ними, на чем настаивал Рабат, заинтересованный в возможности легально предотвращать незаконное пересечение государственной границы королевства нежелательными элементами со стороны АНДР. В ответ ему было заявлено, что закрытие Алжиром наземной границы с Марокко положительным образом сказалось на борьбе против терроризма и контрабанды, на этом основании в открытии наземной границы между двумя странами было отказано [см. 26, 11.04.1995].

В августе 1994 г. в марокканском городе Марракеше в холле гостиницы «Атлас-Асни» трое террористов расстреляли испанских туристов. Следствие установило, что в нападении участвовала группа вооруженных людей, проникших на территорию королевства из Алжира для совершения терактов. Будучи уверено в том, что за этим преступлением стояли сахарские сепаратисты, Марокко обвинило в причастности к случившемуся алжирские спецслужбы и ввело обязательные въездные визы для алжирцев и всех иностранцев алжирского происхождения. Сочтя себя оскорбленными якобы несправедливостью выдвинутого в их адрес подозрения, алжирские власти заявили, что не имеют никакого отношения к подрывной деятельности вооруженных формирований на территории королевства, и в качестве ответной меры закрыли сухопутную границу с Марокко, введя визовый пограничный контроль для марокканцев.

Сорвалась попытка марокканского руководства организовать в начале 1995 года встречу руководителей двух стран для

восстановления в полном объеме отношений между Марокко и Алжиром [см. 40, 11.04.1995].

В результате в позиции нового руководства Алжира, как, впрочем, и позиции Марокко по проблеме Западной Сахары, наметилась определенная стагнация. И это естественно. О чем, собственно, было говорить представителям Марокко и Алжира, тем более – конфликтующим сторонам? Марокко завершило сооружение «*стены*» обороны вдоль восточной и южной границ территории бывшей Западной («Испанской») Сахары, преодолеть которую партизанам Фронта ПОЛИСАРИО и бойцам СНОА было не под силу. У них оставалась единственная возможность: проникать туда нелегально через алжиро-марокканскую границу, чего и пытались не допускать марокканское руководство, но чему попустительствовало алжирское. Таким образом, в целом для Марокко проблема Западной Сахары была практически решена. Оставалось узаконить его территориальное приобретение. Но это зависело от ООН и мирового сообщества.

Что касается Фронта ПОЛИСАРИО, то его положение с годами все более ухудшалось. Особенно надломило сахарских лидеров то, что алжирское руководство, активно поддерживавшее их в предшествовавший период, озаботившись идеей строительства Великого Арабского Магриба, фактически предало их, поскольку САДР не была включена в состав стран-членов САМ, на что сахарские лидеры очень надеялись, рассчитывая укрепить благодаря этому свои давно уже пошатнувшиеся позиции на мировой арене. Поскольку в странах, признававших и активно поддерживавших ранее Фронт ПОЛИСАРИО, все больше росло осознание истинной его сути и природы.

Более того, внутри самого руководства Фронта происходили необратимые процессы, вызванные разногласиями и противоречиями относительно перспектив борьбы за самоопределение и независимость территории бывшей Западной («Испанской») Сахары. В декабре 1989 г. достоянием широкой общественности стали сообщения о переходе групп ответственных деятелей Фронта ПОЛИСАРИО, включая ряд его руководителей, на сторону Марокко в противостоянии конфликтующих сторон по сахарской проблеме. Среди них был даже Омар Хадрами – один из отцов-основателей Фронта, занимавший высокие должности в его руководстве. За ним последовали другие ответственные деятели Фронта ПОЛИСАРИО, его представители

за рубежом. В интервью марокканским и зарубежным средствам массовой информации они сообщили то, что до этого времени достаточно хорошо было известно лишь высшему руководству Марокко, а именно: то, что Фронт ПОЛИСАРИО был создан за пределами территории Западной Сахары. Что его учредителями являлись ливийцы и алжирцы. Что первый генеральный секретарь Фронта (1973–1976) аль-Уали Мустафа Сайед был ставленником «лидера ливийской революции» Муаммара Каддафи, а его преемник на этом посту Мухаммед Абдельазиз – ставленником алжирского руководства. Порожденный Алжиром Фронт ПОЛИСАРИО стал «инструментом гегемонистской политики покойного Бумедьена» [34, 16.03.1992]. Членами Фронта были не только сахарцы – уроженцы территории Западной («Испанской») Сахары, но и сахарцы марокканского, мавританского, алжирского, малийского, нигерского, чадского происхождения. Основу Фронта составили сахарцы алжирского происхождения.

Чтобы придать Фронту ПОЛИСАРИО большие вес и значимость в глазах представителей мирового сообщества, власти АНДР представили его как «сахарское освободительное движение». Ливия настоятельно порекомендовала руководству Фронта ПОЛИСАРИО «провозгласить республику сразу же после официального ухода Испании, чтобы не оставлять юридической пустоты» [23, 17–18.12.1989], что и было сделано: 27 февраля 1976 г. была провозглашена САДР. Алжир был «против». Он хотел дождаться того времени, когда Фронт станет частью всеафриканского освободительного движения. Признать Фронт ПОЛИСАРИО освободительным движением Сахарской Арабской Демократической Республики, по его мнению, было нелогично, поскольку в независимом и суверенном государстве не могло быть освободительного движения. Однако вынужден был смириться с давлением, оказываемым в то время Ливией на сахарских лидеров, прежде всего аль-Уали Мустафу Сайеда – приятеля М.Каддафи. Однако если до середины 1975 г. Фронт и можно было считать освободительным, то в последующий период он переродился в раскольническую и сепаратистскую организацию.

О реальном положении на территории Западной Сахары рядовые члены Фронта ПОЛИСАРИО его руководством не информировались. Подлинные сахарцы, то есть уроженцы Западной («Испанской») Сахары, считали, что Фронт ПОЛИСАРИО

изначально создавался для борьбы за освобождение от колониального господства Испании. Об образовании независимого государства они и не помышляли. Сахарцы марокканского и мавританского происхождения ставили задачами изгнание с этой территории испанских колонизаторов, а затем – борьбу за повышение жизненного уровня и социально-экономическое обеспечение местных жителей в рамках Испании или какого-либо другого государства. Сахарцы алжирского происхождения, претендовавшие на восприятие их подлинными западносахарцами, фактически являлись наемниками на службе Алжира и Ливии (до августа 1984 г., когда последняя отказалась поддерживать Фронт ПОЛИСАРИО и САДР). Они преследовали цели: противостоять территориальной целостности Марокко; усугубить его экономические трудности, вызванные войной; не допустить проведения референдума о самоопределении населения территории бывшей Западной («Испанской») Сахары, результаты которого, как они подозревали, очевидно, были бы не в их пользу; привлечь мировое сообщество в свидетели того, что подготовку к референдуму пытается сорвать якобы Марокко.

Не имея собственных средств и возможностей для их получения, Фронт ПОЛИСАРИО содержался за счет материальной (в том числе финансовой и военной) помощи Алжира и Ливии, использовавшейся им с марта 1976 г. против вооруженных сил Марокко и Мавритании (до августа 1979 г.). В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Фронт оказался в сложном положении, поскольку объем этой помощи резко сократился по сравнению с предыдущим периодом вследствие отказа Ливии от поддержки Фронта и обострения политической обстановки в АНДР, оказавшейся в тот период на грани гражданской войны. Из-за сокращения объема военных поставок СНОА не могла более вести эффективные военные операции против КВС, а периодически выдвигавшиеся Фронтом ПОЛИСАРИО угрозы возобновить их являлись не более чем пропагандистскими заявлениями.

В лагерях беженцев в Тиндуфе и его окрестностях сложилось катастрофическое положение. Находившиеся в суровых природно-климатических условиях пустынного района Алжирской Сахары, они испытывали трудности и лишения, обусловленные отсутствием пригодного жилья, острой нехваткой продуктов питания и питьевой воды, надлежащего медицинского обслуживания и необходимых медикаментов. Значительное (на 50%) сокращение международной гуманитарной (прежде

всего продовольственной) помощи вело к усилению социальной напряженности.

Обострились противоречия между рядовыми членами Фронта ПОЛИСАРИО и его руководством вследствие нецелевого использования им в личных целях международной гуманитарной и финансовой помощи, предназначавшейся сахарским беженцам. Лидеры Фронта занимались «отмыванием» максимума поступавших из разных источников валютных средств, пополнением личных банковских счетов за границей, продажей продовольствия частным мавританским предпринимателям, вложением финансовой помощи в личные коммерческие предприятия, приобретением предметов роскоши, организацией пышных официальных церемоний.

Летом 1988 г. недовольные своим положением беженцы подняли вооруженное восстание. Оно было жестоко подавлено спецподразделениями Фронта ПОЛИСАРИО при активной поддержке алжирских спецслужб. В лагерях было введено чрезвычайное положение, еще более ужесточен контроль над всеми и каждым, введена система тотальной слежки, доноительства, репрессий и насилия. Осенью 1988 года, после подавления вооруженного восстания, в руководстве Фронта ПОЛИСАРИО произошел раскол. В нем обозначились три направления. Первое выступило за включение территории Западной Сахары в состав Марокко. Его поддерживали сахарцы марокканского происхождения. Они исходили из того, что «сахарский народ может существовать лишь в составе марокканского государства» [подробнее см. 23, 17–18.12.1989; 15.02., 27.03.1990; 34, 9.01., 6.10.1991; 16.03.1992]. Их целью было воссоединение Западной, бывшей «Испанской» Сахары с родиной-матерью – Марокко. Лидер направления – министр информации и культуры САДР Абделькадер Талеб Умар.

Второе направление возглавил член Исполнительного комитета, ответственный Комитета внешних связей Фронта ПОЛИСАРИО Башир Мустафа Сайед. Ясной и четкой позиции у него не было. Ранее он ориентировался на Ливию, как и его брат аль-Уали Мустафа Сайед, делая попытки добиться ее поддержки.

Третье направление отражало позицию непримиримых сахарцев (*часть их – военные*), выходцев из Алжира и Мавритании. Его возглавил генеральный секретарь Фронта ПОЛИСАРИО, президент САДР Мухаммед Абдельазиз.

После призыва короля Хасана II, обращенного к «*введенным в заблуждение*» марокканцам «*вернуться на родину*», начался уход из лагерей беженцев в Тиндуфе сахарцев марокканского происхождения, пришедших к выводу, что они «*защищают дело, обреченное на провал*» [23, 15.02.1990]. Вслед за ними по той же причине на родину потянулись сахарцы алжирского и мавританского происхождения. Стремление вернуться на родину проявляли и те сахарцы, которые до поры до времени не решались пойти на такой шаг. Чтобы не допустить массового исхода беженцев, руководство Фронта ужесточило внутренний распорядок и режим пребывания в лагерях Тиндуфа, где царила строжайшая дисциплина. Людей принуждали к непосильному труду, что позволяло с полным основанием говорить о нарушении в отношении них элементарнейших прав человека. Беженцы преследовались за убеждения, подвергались изуверским пыткам и мучениям по лживым обвинениям в нелояльности руководству Фронта, которое с целью отвести от себя подозрения, предпочитало обращать внимание мирового сообщества на нарушение якобы прав человека в Марокко.

* * *

Информацию о нарушениях прав человека в лагерях беженцев с территории Западной Сахары, которые более 30 лет находились в Тиндуфе в нечеловеческих условиях, лишённые даже таких неотъемлемых прав, как свобода передвижения, подтвердил бывший представитель Фронта ПОЛИСАРИО в Италии Сидати аль-Гальяуи. Выступая на 9-й сессии Совета по правам человека (*Женева, сентябрь 2008 г.*), он возложил на Алжир и Фронт ПОЛИСАРИО «*основную ответственность за нарушение прав человека в лагерях в Тиндуфе, где содержатся беженцы с территории Западной Сахары, лишённые самых элементарных прав*» [21, 18.09.2008, серия СВ, л. 9].

В свою очередь соответствующее расследование провел специалист в области международного уголовного права бельгийский юрист Жан Аббуд [здесь и далее см. 21, 25.09.2008, серия СВ, л. 8] и пришел к выводу, что руководство Фронта ПОЛИСАРИО должно предстать перед международным судом по обвинению в многочисленных нарушениях прав человека в отношении тысяч ни в чем не повинных людей, содержащихся в палаточных лагерях беженцев в Тиндуфе. Сохранение этих лагерей, которым более 25 лет (*так в тексте – Н.П.*),

согласно утверждениям бельгийского юриста, – один из «приемов» политики руководства Фронта. По его словам, люди живут в них в ужасающих условиях, которые усугубляются особенностями пустынного климата. Однако без этих лагерей, считал Ж.Аббуд, невозможно представить существование Фронта ПОЛИСАРИО. Поэтому одно только вынужденное нахождение людей в этих лагерях в антигуманных условиях в течение длительного периода времени уже, по мнению специалиста, являлось нарушением прав человека, что многократно усугублялось бесчеловечным отношением к людям, содержащимся в этих лагерях, издевательствами над женщинами, стариками и детьми.

По итогам расследования Ж.Аббуд подготовил доклад для генерального секретаря ООН Пан Ги Муна с изложением доказательств преступлений руководства ПОЛИСАРИО, намереваясь добиться привлечения к ответственности не только лидеров этого Фронта, но также и Алжира, «*при попустительстве властей которого на его территории происходят бесчинства*».

* * *

Осознав и осмыслив полученную информацию об истинном положении дел в регионе и подлинных целях конфликтующих и затронутых решением сахарской проблемы сторон, сменившие М.Будиафа на посту главы государства сначала А.Кафи (1992–1994), а затем л. Зеруаль (1994–1999) не смогли выработать собственную, четко выраженную позицию по проблеме Западной Сахары. Поэтому данным вопросом пришлось заняться министрам иностранных дел АНДР. В результате их деятельности в середине 1990-х гг. (согласно сообщению алжирской газеты «Аль-Ватан» со ссылкой на дипломатические источники) проявилось «*стремление Алжира найти такое решение западносахарской проблемы, при котором не будет ни победителей, ни побежденных*» [24, 25.06.1995].

В свою очередь представитель Фронта ПОЛИСАРИО в Миссии ООН по организации референдума Мухаммед Салем ульд Салек указал в заявлении для печати, что «*развитие событий в регионе больше говорит в пользу возобновления боевых действий, нежели в пользу выполнения Мирного плана ООН*», и подчеркнул «*ответственность мирового сообщества за мирный процесс в Западной Сахаре*» [здесь и далее см. 20, 26.06.1995, серия СВ, л. 4–6]. Например, дать «*эффек-*

тивные гарантии», направленные на срыв любых попыток помешать реализации Мирного плана ООН, была обязана, по его мнению, ОАЕ.

Пессимизмом относительно перспектив проведения референдума в Западной Сахаре для определения судьбы этой территории был проникнут доклад делегации Совета Безопасности ООН, в котором, в частности, говорилось: «Вялость процесса регистрации и проверки документов говорит о том, что плебисцит не может состояться в январе 1996 года. Несмотря на заверения сторон о содействии Миссии ООН в процессе подготовки к референдуму, Комитет ОАЕ по идентификации постоянно сталкивается с многочисленными препятствиями, затрагивающими процедуру проведения кампании по проверке документов у лиц, внесенных в списки для участия в плебисците со стороны Марокко и Фронта ПОЛИСАРИО».

Так, в г.Эль-Аюн (столице территории Западной Сахары, находящейся под контролем Марокко) был приостановлен процесс идентификации лиц для участия в готовившемся референдуме из-за того, что Фронт ПОЛИСАРИО «не направил в Комитет ОАЕ по идентификации своих представителей», а результаты проверки документов без представителей Фронта ПОЛИСАРИО считались недействительными. Эту информацию подтвердили представители МИНУРСО, штаб-квартира которой расположена в Эль-Аюне.

Местная печать обращала внимание на возникшие разногласия по вопросу о внесении в списки для участия в референдуме лиц, живших за пределами территории Западной Сахары. По плану ООН, в эти списки были включены 74 тысячи человек, чьи имена не были учтены в итогах переписи населения, проводившейся Испанией в 1974 году. Фронт ПОЛИСАРИО выступил против подобного «отбора» предполагавшихся участников референдума, общая численность которых, по его оценке, к середине 1990-х годов составила 233 тысячи человек.

Несогласие Фронта вызвало и требование делегации СБ ООН к Рабату о «первоначальной проверке документов у 100 тысяч человек, выразивших намерение принять участие в референдуме, но не живущих в настоящее время на территории Западной Сахары» [здесь и далее: 23, 17–18.12.1989], поскольку Марокко считало, что в плебисците должны участвовать все марокканцы западносахарского происхождения, включая потомков тех из них, кто покинул эту территорию с начала 1900-х гг.

Королевство неоднократно предупреждало, что откажется от проведения референдума в случае, если указанные лица не будут включены в списки избирателей. В этом его полностью поддерживал генеральный секретарь ООН, настаивавший на необходимости признания прав на участие в голосовании трех спорных племен.

В результате представители Фронта ПОЛИСАРИО пришли к выводу, что критерии, разработанные МИНУРСО по составлению списков потенциальных участников референдума отвечали интересам Марокко, *«пытающегося обеспечить численное преимущество при проведении референдума»*. В этой связи один из руководителей Фронта ПОЛИСАРИО (Мухаммед Тами) в интервью алжирским журналистам заявил, что у него нет сомнения в том, что МИНУРСО потворствует политике Рабата, стремящегося за счет *«подставных лиц и фальсификации результатов процесса идентификации решить судьбу референдума в свою пользу»*.

По мнению представителей марокканской печати, *«препятствия, чинимые наемниками так называемого “ПОЛИСАРИО”, свидетельствуют об их опасении по поводу результатов референдума, которые должны подтвердить принадлежность Марокко всей территории Западной Сахары. ПОЛИСАРИО боится референдума»*, – подчеркивала, в частности, газета *«Аль-Баян»*.

К тому же марокканской стороной подчеркивалась необходимость решения таких проблем, как обмен военнопленными, освобождение политических заключенных, создание условий для *«свободного возвращения беженцев к родным очагам»*.

В свою очередь алжирская газета *«Аль-Ватан»* утверждала, что *«всю ответственность за задержку процесса идентификации лиц, которые смогут участвовать в референдуме, ооновские чиновники пытаются возложить на Фронт ПОЛИСАРИО»*. В ООН это заявление было воспринято как *«начало отхода АНДР от проблемы Западной Сахары, отказа от размещения сил Фронта ПОЛИСАРИО на алжирской территории в течение предшествующего референдуму так называемого “переходного периода”»*.

* * *

Ухудшение отношений между Алжиром и Марокко проявлялось в пикировке глав дипломатическими ведомствами вза-

имными колкостями и придирками. Что, в конечном счете, шло во вред объективной заинтересованности руководителей всех стран Магриба в решении проблемы Западной Сахары и развитии сотрудничества в рамках САМ. Так, например, премьер-министр и министр иностранных дел и сотрудничества королевства Абдельлатиф Филали потребовал (декабрь 1995 г.) от министра иностранных дел АНДР Мухаммеда Салаха Дембри приостановить деятельность Алжира на посту председателя САМ на том основании, что *«эта страна, открыто заявив о своих интересах в западносахарском конфликте, вышла за рамки статуса наблюдателя»* [здесь и далее печ. по: 20, 26.12.1995, серия СВ, л. 2–3].

В ответном послании М.С.Дембри указал, что позиция его страны *«основывается на принципах, разделяемых всем алжирским народом и поддерживаемых мировым сообществом»*. Расценив связь проблемы Западной Сахары с деятельностью институтов САМ как *«неправомерную»*, министр дал отповедь А.Филали, не понимавшему якобы простую истину, а именно: что *«Союз Арабского Магриба – это реальность, которую необходимо защищать от любых попыток ослабить этот Союз или подвергнуть сомнению сам факт его существования»*, – сообщалось в послании. И пояснялось для пущей важности: *«Даже временное приостановление деятельности институтов САМ самым неблагоприятным образом может сказаться на этом региональном объединении»*. В заключение М.С.Дембри недвусмысленно указал *«нерадивому»* министру, что коллективную ответственность за деятельность САМ несут все государства, входящие в состав этого Союза.

Инициативу М.С.Дембри подхватил и продолжил его премьер-министр на посту министра иностранных дел АНДР Ахмед Аттаф. В интервью, данном им 9 июля 1998 г. корреспондентам алжирских газет *«Либертэ»* и *«Трибюн»*, он заметил, что *«проблема Западной Сахары не является элементом алжиро-марокканских отношений»* [здесь и далее см. 20, 10.07.1998, серия СВ, л. 2]. То есть пояснил, что два этих досье не зависят друг от друга, поскольку, по его словам, проблемой Западной Сахары как *«вопросом деколонизации»* занимается мировое сообщество, точнее, *«Совет Безопасности ООН»*. И подтвердил позицию Алжира в поддержку идеи так называемого самоопределения сахарского народа.

Коснувшись причин свертывания деятельности САМ, А.Аттаф подтвердил известную позицию Алжира, согласно которой ответственность за это несет исключительно Марокко, поскольку оно потребовало (1995) «заморозить» деятельность институтов и структур САМ на том основании, что наличие на территории Алжира лагерей Фронта ПОЛИСАРИО противоречит Уставу этой региональной организации. И это действительно так, поскольку при создании САМ (1989) вошедшие в Союз Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко и Тунис взяли на себя обязательство не допускать подрывную деятельность против соседних стран-членов Союза со своих территорий.

5. ОСОБЕННОСТИ САХАРСКОЙ ПОЛИТИКИ АНДР ПРИ А.БУТЕФЛИКЕ

В апреле 1999 г. президентом Алжира стал Абдельазиз Бутефлика – соратник прежних руководителей страны Х.Бумедьена и Ш.Бенджедида, с 1962 г. активно сотрудничавший с ними в качестве министра иностранных дел АНДР. В силу этого от него априори трудно было ожидать позиции по сахарскому вопросу, отличной от прежней официальной политики Алжира. Тем более, что на первых порах он, подобно своим предшественникам на посту главы государства А.Кафи и л. Зеруалу, не смог определиться с четкой собственной позицией по проблеме Западной Сахары. Поэтому то предпринимал попытки нормализации отношений с Марокко, в том числе внутри САМ (где по традиции, установившейся руководителями независимого Алжира, намеревался занять лидирующие позиции), то демонстрировал поддержку «сахарского народа» в отстаивании им территории Западной Сахары. Такая позиция, как мы видели на примере политики, проводившейся А.Кафи и л. Зеруалем в 1992–1999 гг., не способствовала разрядке напряженности в регионе. В результате урегулирование сахарского конфликта окончательно зашло в тупик.

Тем не менее решение проблемы Западной Сахары и урегулирование сахарского конфликта виделись именно в рамках прямых переговоров между руководителями Марокко и Алжира. Возможно, осознав в какой-то момент необходимость такого подхода к решению проблемы, президент А.Бутефлика начал (по данным египетской газеты «Аль-Ахрам» за 12 июля 1999 г.) подготовку двусторонней встречи на высшем уровне, которая должна была состояться на алжиро–марокканской границе [здесь и далее см. 20, 13.07.1999, серия СВ, л. 4–5]. Поскольку в это время Алжир и Марокко поддерживали постоянные контакты, изучая возможности развития двусторонних отношений.

Информацию об ожидавшихся подвижках в алжиро-марокканских отношениях в тот же день косвенно подтвердил пред-

ставитель по печати делегации АНДР на 35-й сессии Ассамблеи глав государств и правительств стран-членов ОАЕ Буалем Бессайя. По его словам, досье мароккано–алжирских отношений *«серьезно рассматривается в настоящее время главами двух государств»*. Подтвердив наличие двусторонних контактов *«на самом высоком уровне»*, он сообщил, что очередные *«новости на этот счет поступят в ближайшие недели»*.

И вдруг совершенно неожиданно для руководства, правительства и народа Марокко, так же как и для народа Алжира, 1 сентября 1999 г. президент А.Бутефлика допустил ряд резких высказываний в адрес королевства. Поводом послужило убийство 29 человек (*в середине августа*) членами исламистского бандформирования в алжирской провинции Бешар, которым после совершения этого преступления, по утверждениям некоторых алжирских и зарубежных средств массовой информации, *«удалось скрыться, перейдя алжиро-марокканскую границу»* [здесь и далее см. 31, 2.09.1999].

Воспользовавшись этой непроверенной и неподтвержденной информацией со ссылкой на *«хорошо информированные источники»*, президент А.Бутефлика обвинил Марокко в *«нарушении принципов добрососедства»*. Несмотря на то, что официальный представитель правительства Марокко категорически опроверг эти газетные сообщения, указав одновременно на *«прочность»* границы между двумя странами, глава алжирского государства назвал ее *«проходным двором»*, а политику Рабата в отношении происходящего в Алжире – *«неприемлемой»*. Не дав себе труда задуматься над тем, что если бы даже граница Марокко с Алжиром и являлась *«проходным двором»*, по утверждению А.Бутефлика, то таковой она могла быть лишь для лиц, пытавшихся преодолеть ее со стороны Марокко. Но, если членам исламистского бандформирования *«удалось скрыться, перейдя алжиро-марокканскую границу»*, то логичнее допустить, что *«проходным двором»* для них стала не марокканская, а алжирская граница.

К тому же последующее развитие событий в регионе подтвердило *«ограбление марокканской приграничной деревни одним из отрядов вооруженной исламистской группы»* [здесь и далее: 31, 16.11.2000], действовавшей ранее на территории Алжира. Вследствие этого марокканцы выступили с инициативой помочь *«Алжиру в его борьбе против вооруженных исламистских групп в районе общей границы, не допуская укрытия последних на марокканской территории»*.

Однако президент АНДР уже не мог остановиться в своей негативной риторике и сначала обвинил Марокко, а заодно и Тунис в том, что они якобы не позволяют своим гражданам посещать Алжир. И, надо думать, в подтверждение своего обвинения заявил: *«Мы никогда больше не допустим оскорблений алжирцев нашими тунисскими соседями!»* [здесь и далее: 31, 5.09.1999]. Затем столь же безосновательно утверждал, что воспользовавшись трудным внутренним положением Алжира, Марокко и Тунис вели якобы за его спиной переговоры об ассоциации с Европейским союзом.

Говоря о перспективах развития Союза Арабского Магриба в составе Алжира, Ливии, Мавритании, Марокко и Туниса, А.Бутефлика подчеркивал, что *«строительство Магриба требует правдивости и оценки интересов каждой страны»*. Однако *«ранее из Алжира неоднократно раздавались утверждения, будто это региональное объединение замышлялось некоторыми государствами с целью использовать относительно богатые за счет нефтедобычи Алжир и Ливию в качестве “дойных коров”»*. На этот раз А.Бутефлика заявил, что *«Алжир – больше не таков, каким был в 1980-е годы. Он больше не будет “дойной коровой” соседей или какой-нибудь страны с ограниченным суверенитетом»*. Одновременно президент АНДР тепло отозвался о Ливии, которая, по его мнению, являлась *«единственным государством, не пытающимся извлечь выгоду из нашей ситуации»*.

Ну, и что можно сказать о *«правдивости»* главы алжирского государства и объективности его *«оценки интересов каждой страны»*? На наш взгляд, А.Бутефлике (так же, как в свое время и Х.Бумедьену) была свойственна одержимость навязчивой идеей безусловного и непререкаемого превосходства Алжира над соседними странами Магриба. Постоянное противопоставление его им. Навязывание им собственного, не всегда обоснованного и в силу этого не всегда справедливого, как мы видели, мнения по принципиальным, жизненно важным вопросам сосуществования и взаимодействия с ними как на двусторонней основе, так и в масштабах региона.

В отличие от представителей высшего руководства АНДР, проявлявших неспособность договориться с руководством Марокко практически ни по одному вопросу двусторонних отношений и сотрудничества (за исключением периода президента М.Будиафа), отношения между главами МВД двух стран под-

держивались на регулярной основе. Так, только с января по середину ноября 2000 г. министры внутренних дел Алжира и Марокко встречались трижды. Причем, контакты между ними, по заявлению главы МВД АНДР Язида Зерхуни, осуществлялись в *«атмосфере доверия и в рамках отношений, основанных на принципах взаимного интереса и равноправия»* [здесь и далее см. 20, 17.11.2000, серия СВ, л. 3], а темы, которые он обсуждал с марокканским коллегой Ахмедом Мидауи, были *«не ограниченными»*. В ноябре 2000 г. переговоры руководителей двух ведомств касались вопросов, связанных с развитием взаимного сотрудничества в сфере безопасности, в частности с определением статуса выходцев из обеих стран в соседних территориях.

В то же время обсуждение руководством АНДР сахарского вопроса, будь то на двусторонней основе с руководством Марокко или на международном уровне, постоянно заходило в тупик. Алжир выступал против осуществления плана урегулирования сахарского конфликта посредством заключения рамочного соглашения, в соответствии с которым сахарские провинции получили бы широкую автономию в рамках Марокко, сочтя его планом *«запрограммированной интеграции Западной Сахары в состав Марокко»* [здесь и далее: 20, 25.09.2001, серия СВ, л. 2]. На этом основании АНДР и Фронт ПОЛИСАРИО категорически отвергли этот план, сочтя наиболее предпочтительным способом урегулирования конфликта проведение референдума о будущем сахарских провинций (*Марокко – Н.П.*) под эгидой ООН.

Однако в марте 2002 г. президент А.Бутефлика, как всегда неожиданно, вновь заговорил о готовности своей страны улучшить отношения с Марокко [здесь и далее см. 20, 19.03.2002, серия СВ, л. 3], подчеркнув при этом, что Алжир и Марокко связывают общность судьбы и неразрывные узы и что алжирский народ питает уважение к братскому марокканскому народу.

Что же касалось Западной Сахары, то *«пусть решением этой проблемы занимается Организация Объединенных Наций»*, – заявил А.Бутефлика. По его словам, Алжир не выдвигает никаких притязаний на эту территорию и настаивает лишь на соблюдении международной законности. И потому выступил в поддержку принятого Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО Хьюстонского соглашения от 1997 года о проведении среди сахарского народа референдума (*под эгидой ООН*) по вопросу о его самоопределении. *«Это соглашение остается единственным, ближайшим и верным способом добиться справедливого и*

окончательного решения сахарской проблемы в соответствии с международной законностью», – подчеркнул глава государства.

Принятая Советом Безопасности ООН (30 июля 2002 г.) резолюция 1429 продлила (сроком на 6 месяцев) мандат развернутой с 1991 года в сахарских провинциях (Марокко – Н.П.) Миссии ООН по организации референдума о будущем территории бывшей Западной («Испанской») Сахары и предложила специальному представителю генерального секретаря ООН по урегулированию сахарского конфликта Джеймсу Бейкеру продолжить *«поиски политического урегулирования конфликта»*. Марокко, Алжир и Фронт ПОЛИСАРИО выразили удовлетворение этой резолюцией, в которой, однако, каждая из сторон усмотрела лишь то, что хотела увидеть именно она [здесь и далее см. 20, 2.08.2002, серия СВ, л. 4]. Так, Алжир и Фронт ПОЛИСАРИО в своих заявлениях выделили то, что Совет Безопасности намерен решить сахарскую проблему путем *«осуществления права сахарского народа на самоопределение»*. Марокко – то, что указанная резолюция *«вновь подтверждает поддержку мировым сообществом идеи урегулирования этого искусственного конфликта в ходе политических переговоров»*.

Принятие СБ ООН резолюции о продлении мандата МИНУРСО в южных провинциях Марокко, по сути, являлось всего лишь очередной попыткой сдвинуть процесс урегулирования сахарского конфликта с мертвой точки. Однако президент АНДР воспринял его как знаковое событие, способное нормализовать отношения между Алжиром и Марокко *«в интересах строительства союза стран Большого Магриба – стратегического выбора и главного устремления всех лидеров стран Арабского Запада»* [здесь и далее см. 20, 31.07.2003, серия СВ, л. 5].

Такое заявление А.Бутефлика сделал 30 июля 2003 г. в послании, направленном королю Марокко Мухаммеду VI по случаю отмечавшегося в королевстве 31 июля государственного праздника – Дня трона. В нем глава АНДР выступил инициатором укрепления партнерских отношений между двумя странами.

Кроме того, в середине июля того же года, во время поездки по странам Северной Африки президента Пакистана Первеза Мушаррафа, А.Бутефлика попросил своего пакистанского коллегу передать послание мира *«братьям из Марокко»*. Послание, воспринятое в Рабате как жест доброй воли, направленный на восстановление добрососедских отношений между Алжиром и Марокко, омраченных разногласиями по проблеме Западной Сахары.

Дальнейшей нормализации отношений АНДР и Королевства Марокко призвано было способствовать одобрение руководством обоих государств резолюции 1513 СБ ООН по Западной Сахаре (*принята в октябре 2003 г.*) о продлении мандата МИНУРСО еще на три месяца (*до конца января 2004 г.*). *«Новая резолюция, – говорилось в опубликованном по этому случаю заявлении Министерства иностранных дел и сотрудничества Марокко, – предоставляет сторонам возможность продолжить поиск реалистичного и конкретного урегулирования сахарского конфликта»* [здесь и далее см. 20, 29.10.2003, серия СВ, л. 4]. В документе выражалась надежда на то, что это урегулирование будет уважать суверенитет и территориальную целостность Королевства.

Алжир также выразил удовлетворение новой резолюцией СБ ООН. Вместе с тем представитель АНДР при ООН Абдалла Бали заявил: *«Алжир, как и Фронт ПОЛИСАРИО, надеется, что Марокко воспользуется предоставленным Советом Безопасности шансом, чтобы согласиться с Мирным планом самоопределения западносахарцев»*. Планом, подготовленным специальным представителем генерального секретаря ООН по Западной Сахаре Дж.Бейкером, который предложил предоставить населению Западной Сахары ограниченную автономию в составе Марокко на переходный период в 4–5 лет. По истечении этого срока предлагалось провести референдум, в ходе которого жители территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары должны были решить, оставаться им в составе Королевства Марокко или создать собственное независимое государство.

Фронт ПОЛИСАРИО принял этот план. Марокко, считаящее территорию Западной Сахары неотъемлемой составной частью королевства, категорически отвергло план Дж.Бейкера, усмотрев в нем угрозу своему национальному суверенитету и территориальной целостности. В результате в попытках решения сахарской проблемы Алжир и Марокко вновь оказались по разные стороны баррикад. Позиция Алжира сводилась к заботе о праве сахарского народа на самоопределение [здесь и далее см. 20, 14.07.2004, серия СВ, л. 6]. Для него речь шла о *«вопросе деколонизации, который необходимо решить и решение которого должно обязательно проходить через осуществление сахарским народом его права на самоопределение путем проведения свободного референдума»* [здесь и далее см. 20, 18.08.2004, серия СВ, л. 4–5]. При этом подчеркивалось:

«Алжир самым торжественным образом подтверждает, что не может и ни в коем случае не хочет заменить Фронт ПОЛИСАРИО – законного и единственного представителя сахарского народа, – и что любая попытка подобного рода может лишь замедлить наступление мира в Западной Сахаре и завести в тупик».

Несмотря на твердость занимаемой позиции по сахарской проблеме, руководство страны заявляло о заинтересованности в развитии отношений с Рабатом, указывая, что *«Алжир остается готовым к совместной работе с Королевством Марокко с тем, чтобы придать новую динамику двусторонним отношениям, строить Союз Арабского Магриба на основе принципов добрососедства и взаимного уважения».* Причем, согласно ему, *«алжиро-марокканские отношения не ограничиваются сахарской тематикой. Для обеих стран жизненно важно развивать всесторонние связи».*

Вместе с тем указывалось, что алжиро–марокканские отношения должны быть *«освобождены»* от *«каких-либо односторонних акций»* и *«неприемлемых предварительных действий, в частности, политики свершившихся фактов в отношении Западной Сахары»*, под которой подразумевалось принятое 30 июля 2004 г. марокканскими властями решение об отмене въездных виз для алжирских граждан.

При виде такой непоследовательности действий алжирских властей и сопутствовавшей ей двусмысленности официальной позиции АНДР по проблеме в алжирской печати появились сообщения о том, что на Алжир оказывают давление Франция и Испания, призывающие его пойти на уступки Марокко в сахарском вопросе [см. 20, 14.07.2004, серия СВ, л. 7]. В русле этого призыва президент А.Бутефлика принял решение упразднить въездные визы для марокканцев в качестве жеста, направленного на нормализацию отношений между двумя странами, и проинформировал об этом короля Марокко Мухаммеда VI в телефонном разговоре.

В Рабате сообщение о решении президента А.Бутефлики, принятом через несколько дней после встречи руководителей двух стран, состоявшейся в рамках саммита глав государств членов ЛАГ (г.Алжир, 22–23 марта 2005 г.), было встречено с удовлетворением и воспринято как шаг Алжира, отражавший наметившуюся тенденцию к укреплению взаимного доверия [см. 20, 4.04.2005, серия СВ, л. 9].

Однако эта тенденция довольно быстро была прервана самим же алжирским президентом, который опрометчиво вновь высказался в поддержку Фронта ПОЛИСАРИО. В знак протеста 24 мая, накануне намечавшейся в Ливии встречи руководителей стран-членов Союза Арабского Магриба (*г. Триполи, 25–26 мая 2005 г.*), король Марокко Мухаммед VI отказался присутствовать на этом саммите. На следующий день с критикой президента Алжира выступило правительство Марокко, заявившее, что обещание Алжира оказывать поддержку этому движению, выступающему за независимость территории Западной Сахары, находящейся под управлением Марокко, наносит ущерб усилиям по нормализации отношений между двумя соседними странами Северной Африки [см. 20, 26.05.2005, серия СВ, л. 2].

Ухудшение отношений с Марокко вряд ли входило в планы алжирского руководства. Видимо, А.Бутефлика просто не подумал о возможных последствиях своего опрометчивого поступка. О чем позже наверняка жалел. Ведь в Алжире сохранялась напряженная ситуация, сложившаяся еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда обострились общественно-политические и социально-экономические противоречия в алжирском обществе, вызванные обнищанием масс на фоне безудержной коррупции во всех эшелонах власти. В условиях нестабильности активизировались экстремистские организации и вооруженные исламистские группировки, деятельность которых представляла несомненную угрозу не только Алжиру, но и соседним с ним странам и региону в целом. В это время особенно необходимы были объединенные усилия и единство действий всех государств Магриба в борьбе против общей угрозы. Поэтому руководство Алжира объективно было заинтересовано в улучшении отношений с соседями, в том числе и особенно с Марокко.

Для укрепления двусторонних отношений (*после обострения территориального спора вокруг Западной Сахары, приведшего к провалу в мае 2005 г. встречи руководителей стран-членов САМ*) решено было направить в Рабат (*июнь 2005 г.*) с официальным визитом премьер-министра Алжира Ахмеда Уяхью. «*Визит состоится 21–22 июня, – заявил в ходе пресс-конференции государственный министр и личный представитель премьер-министра АНДР А.Бельхадем. Не вдаваясь в подробности, он сказал, что «в ходе визита будет возможность обсудить некоторые вопросы и найти решение ряда актуальных проблем»* [здесь и далее: 20, 14.06.2005, се-

рия СВ, л. 11–12]. При этом А.Бельхадем уточнил, что вопрос о Западной Сахаре во время визита А.Уяхьи затрагиваться не будет. «*Это – дело ООН разбираться с вопросом о разделе Западной Сахары*», – заявил он. И добавил, что в программе визита запланированы переговоры премьер-министра АНДР с его марокканским коллегой Дрисом Джетту́.

* * *

Тем не менее урегулирование сахарского конфликта оставалось приоритетным направлением внешней политики Алжира и Марокко, других стран Магриба и Северо-Западной Африки, а также мирового сообщества в целом. Однако занимавшиеся долгие годы поисками пути решения сахарской проблемы специальный представитель генерального секретаря ООН Питер Ван Валсум и специальный посланник генерального секретаря ООН по Западной Сахаре Кристофер Росс так и не смогли добиться успеха в этом деле, несмотря на подписание Соглашения о прекращении огня между конфликтующими сторонами (1991), проведение в США (2007–2011) четырех раундов переговоров между ними, регулярные встречи с ответственными представителями Марокко и Фронта ПОЛИСАРИО, обсуждение с ними путей решения сахарского вопроса.

Суть проблемы по-прежнему состояла в том, что конфликтующие стороны отстаивали диаметрально противоположные позиции. Фронт ПОЛИСАРИО требовал предоставления так называемому «сахарскому народу» самоопределения и независимости. М.Абдельазиз заявлял о готовности Фронта сотрудничать с ООН с целью «*деколонизации*» Западной Сахары и взаимодействовать со специальным представителем генерального секретаря ООН Кр.Россом, чтобы «*внести вклад в переговорный процесс*». И одновременно подчеркивал приверженность проведению прямых переговоров с Марокко «*как средству реализации законных чаяний сахарского народа* (так в тексте оригинала – Н.П.) и претворения в жизнь резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН» [21, 8.07.2009, серия СВ, л. 9; 24.08.2009, серия АФ, л. 6].

В свою очередь посол Сахарской республики в АНДР Ибрагим Гали заметил: «*Настало время для того, чтобы Организация Объединенных Наций выполнила взятые на себя обязательства в отношении урегулирования конфликта*», подчеркнув при этом необходимость действовать «*в контексте*

осуществления деколонизации Западной Сахары» [здесь и далее: 21, 6.08.2009, серия АФ, л. 5]. Однако он сетовал на то, что *«все усилия ООН, направленные на достижение прогресса в ходе раундов переговоров, каждый раз наталкиваются на преграды, чинимые Марокко. Мы рассчитываем на то, – продолжал И.Гали, – что Кристофер Росс сможет оказать давление на Марокко с тем, чтобы королевство так же хорошо взаимодействовало с ним, как и Фронт ПОЛИСАРИО, в деле достижения окончательного и справедливого урегулирования сахарского вопроса»*. И призвал мировое сообщество оказать давление на правительство Марокко в смысле уважения им международно-правовых норм и решений ООН по урегулированию сахарского конфликта. По словам И.Гали, народ Западной Сахары *«уже привык»* ощущать сопротивление марокканской стороны, которая не проявляет ни малейшей готовности к сотрудничеству с Кр.Россом, что является очевидным барьером на пути усилий ООН по урегулированию сахарского конфликта [здесь и далее см. 21, 6.08.2009, серия АФ, л. 6].

В заключение посол подчеркнул, что основное требование народа Западной Сахары состоит в необходимости выполнения всех резолюций Совета Безопасности ООН, в том числе касающихся поиска наилучших путей решения вопроса о статусе этой территории. Это, по мнению И.Гали, позволило бы ему осуществить свое право на самоопределение и самостоятельно принимать решения о будущем этой земли путем организации и проведения справедливого, свободного и прозрачного референдума.

Президент А.Бутефлика в послании, направленном 26 февраля генеральному секретарю Фронта М.Абдельазизу, пожелал *«подвижек»* в реализации *«права западносахарского народа на самоопределение»* и пообещал, что *«Алжир будет продолжать добиваться от мирового сообщества такого решения проблемы Западной Сахары, которое учитывало бы право ее населения на самоопределение, чтобы окончательно завершить процесс деколонизации западносахарской территории»* (так в тексте оригинала – Н.П.). И это – несмотря на то, что из 79 государств, признавших ранее САДР (первым из которых стал Алжир), 30 впоследствии отозвали свое решение или *«заморозили»* отношения с республикой [21, 6.08.2009, серия АФ, л. 6].

В свою очередь Марокко настаивало на предоставлении территории бывшей Западной («Испанской») Сахары статуса автономии в составе королевства, в рамках концепции терри-

ториальной целостности и национального единства страны. Согласно официальному представителю марокканского правительства, министру информации Халиду Насири, *«Марокко решительно настроено на то, чтобы вместе с алжирскими братьями и Фронтом ПОЛИСАРИО создать в Магрибе пространство, в котором народы жили бы в мире, добрососедстве и сотрудничестве, [и] выражает осторожный оптимизм. Чтобы этот оптимизм был основательным, – добавил Х.Насири, – требуется, чтобы добрую волю, которую проявляем мы, разделила бы и противоположная сторона: Алжир и Фронт ПОЛИСАРИО»* [здесь и далее: 21, 27.02.2009, серия СВ, л. 9].

Однако 28 января 2010 г., видя неизменность позиции Фронта ПОЛИСАРИО и поддерживавшего его Алжира по проблеме Западной Сахары и бесперспективность вследствие этого урегулирования сахарского конфликта, руководство Марокко обвинило Алжир и Фронт ПОЛИСАРИО в продолжении стратегии блокирования переговорного процесса по сахарскому вопросу [здесь и далее см. 21, 29.01.2010, серия АФ, л. 7], как сообщалось в письме, направленном министром иностранных дел и сотрудничества Марокко Тайебом Фаси Фихри генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну.

В письме министра выражалось также сожаление о том, что решением сахарской проблемы Алжир обуславливает нормализацию двусторонних отношений и процесс интеграции в районе Арабского Магриба. Поэтому Марокко призвало ООН и заинтересованные страны побудить Алжир принять *«полноценное, активное и конструктивное участие»* в поисках пути урегулирования сахарской проблемы, необходимого, по словам Т.Ф.Фихри, для стабильности государств региона, прогресса и интеграции, и благоприятствовать *«скорейшему решению»* сахарского вопроса.

Однако алжирское руководство, по словам министра, проявляло несговорчивость и, по сути, отказывалось от взаимовыгодного сотрудничества, обуславливая нормализацию отношений с Марокко и открытие границы между двумя странами предварительным урегулированием сахарского конфликта [здесь и далее см. 21, 1.04.2010, серия АФ, л. 4]. *«Мы сожалеем об этом, – сказал Т.Ф.Фихри, – поскольку точно знаем, как много выиграли бы обе страны и их народы от открытия границы»*, добавив при этом, что Рабат, со своей стороны, привержен идее

строительства Союза Арабского Магриба и осуществления интеграционных проектов в регионе. Но Алжир придерживается «генеральной линии» против развития всесторонних отношений с Марокко, посетовал министр. В том числе, таких важных, как совместная борьба с терроризмом и трансграничной преступностью в регионе, связанной, в частности, с активной деятельностью в районе Северо-Западной Африки, но в основном на территории Алжира, вооруженной исламистской группировки «Аль-Каида» в исламском Магрибе» (АКИМ).

Озабоченность распространением незаконной торговли оружием и наркотиками, проявлениями терроризма и трансграничной преступности в Северной Африке проявляли и члены Сообщества государств Сахеля и Сахары (СГСС). На 12-м саммите СГСС (Нджамена, 23 июля 2010 г.) они заявили о необходимости объединения усилий и обеспечения условий для борьбы с нестабильностью и искусственными конфликтами в зоне Сахеля и Сахары, подчеркнув важность согласованной работы для противодействия таким вызовам [см. 21, 28.07.2010, серия АФ, л. 3–4]. Однако политика руководства АНДР полностью противоречила этим положениям итогового заявления саммита, на котором, впрочем, было принято решение отстранить Марокко от участия в региональной конференции, посвященной борьбе с терроризмом и трансграничной преступностью и выработке мер, направленных на противодействие угрозам, исходящим от группировки «Аль-Каида» в исламском Магрибе», одно название которой говорило о том, что борьба с ней должна вестись в масштабах региона [см. 21, 1.04.2010, серия АФ, л. 4].

* * *

Итак, в течение без малого 50 лет мы наблюдаем, что встречи и переговоры представителей ООН с представителями конфликтующих и заинтересованных в решении сахарской проблемы сторон, неизменно завершаются тем, что каждая из них остается на своей непреклонной позиции. Подчеркивая при этом, что встречи проходят «в атмосфере открытости, доброжелательности и взаимного уважения». Заверяя партнеров по переговорам в том, что дверь для дальнейших дискуссий остается открытой. В результате складывается впечатление, что несмотря на отсутствие значимых результатов, участники консультаций в целом (за исключением, вероятнее

всего, одного Марокко) остаются довольны проводимыми встречами и подтверждают приверженность сложившейся за многие годы традиции *«продолжить переговоры как можно скорее»* [21, 31.08. – 1.09.2009, серия АФ, л. 4]. А это, в свою очередь, убеждает в том, что стороны, задействованные в процессе поиска путей урегулирования сахарского конфликта, заинтересованы в сохранении сложившегося статус-кво. Решение же проблемы Западной Сахары могло бы кардинальным образом нарушить это сложившееся за длительный период времени равновесие интересов сторон и обострить ситуацию в регионе, чего, по большому счету, не хотелось бы ни одной из них.

Несмотря на это, Кристофер Росс проявлял сдержанный оптимизм относительно возможных, по его мнению, и даже обнадеживавших перспектив решения сахарского вопроса. *«Мы находимся на правильном пути, – заявил он журналистам (26 июня 2009 г.) после беседы с президентом АНДР А.Бутефликой, – чтобы перейти к следующему этапу поиска решения этого серьезного вопроса»* [здесь и далее см. 21, 29.06.2009, серия СВ, л. 8–9], определяя свою задачу желанием *«помочь достичь справедливого и прочного политического решения, которое было бы принято обеими сторонами»* [здесь и далее: 21, 25.10.2010, серия АФ, л. 5; там же, 17.12.2010, л. 3]. Поэтому по укоренившейся уже привычке специальный посланник генерального секретаря ООН по Западной Сахаре вновь призывал Марокко и Фронт ПОЛИСАРИО начать переговоры по сахарскому вопросу *«без предварительных условий»* и *«в атмосфере доверия»*. Считая, что *«стороны должны проявить необходимую политическую волю для преодоления нынешнего статус-кво»* [см. также 21, 22.10.2010, серия АФ, л. 5; 17.12.2010 г., серия АФ, л. 3–4].

Следовало бы отметить, что, встречаясь с руководителями и ответственными деятелями Алжира и Марокко, Кр.Росс обсуждал с ними не только сахарскую проблему. По его словам, это был *«ряд вопросов, связанных с развитием внутриполитической ситуации в регионе»* [21, 29.06.2009, серия СВ, л. 9]. И это – разумно, поскольку, как нам известно со школьных лет, *«политика есть самое концентрированное выражение экономики»* и она *«не может не иметь первенства над экономикой»*.

6. ВЛИЯНИЕ САХАРСКОЙ ПОЛИТИКИ АЛЖИРА НА СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ И РЕГИОНЕ

А обсудить действительно было что, поскольку в Алжире неумолимо развивался серьезнейший кризис. Он проявился в нестабильности с октября 1988 года общественно-политической и социально-экономической ситуации, которая не менялась в течение многих лет. Благодаря деятельности президента М.Будиафа на время этот кризис удалось ослабить, но глубинные причины дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране преодолены не были. Игнорировать эту опасность было никак нельзя. Необходимо было немедленно принимать решительные меры (*официально признать оппозиционные партии, провести свободные и честные выборы, сделать систему правосудия независимой и способной защитить население от коррумпированного чиновничества*).

Однако время было упущено. В результате на политическую арену вышли генералы армии, привыкшие к тому, что власть в стране принадлежит военным по праву и привилегии, и фактически управлявшие Алжиром с момента получения им независимости [здесь и далее см. 48; 54]. Обстановка в стране нагнеталась постепенно, но в какой-то момент вышла из-под контроля властей. Открытый взрыв возмущения охватил широкие массы населения, в том числе представителей общенности, пришедших к однозначному выводу: генералы, партия Фронт национального освобождения и вся прогнившая система государственного управления должны быть уничтожены любым путем и любыми способами.

На фоне общенародного возмущения активизировались многочисленные радикальные исламистские группировки, ратовавшие за возвращение в жизнь алжирского общества «*исламских ценностей*», введение шариата как основы национального законодательства, создание в Алжире исламского государства, точнее, «*исламского эмирата*». Исламские фундаменталисты своими непосредственными врагами считали государство, ар-

мию и полицию, а народ – изменниками, сотрудничавшими с правительством, предателями родины, виновными в еретическом поведении, проявлявшемся, в том числе, в инфантильности, моральном падении, стремлении к демократии.

Под знаменами «*истинного ислама*» джихадисты развернули по всей стране террористическую деятельность в отношении простых алжирцев, объявленных ими неверными, грешниками, еретиками и потому заслуживавших, по их мнению, смерти. На практике это привело к уничтожению к началу 2000-х гг. в целом более 250 тыс. человек. Около 1 млн. человек вынуждены были покинуть свои дома, став вследствие этого перемещенными лицами [44].

При виде произошедшего военные и функционеры ФНО осознали бесперспективность силового решения проблем внутривнутриполитического развития страны, признав необходимость выработки некоего примирительного подхода. Для этого президент Ламин Зеруаль издал (в *середине 1990-х годов*) множество декретов об амнистии исламских боевиков, чьи руки были запятнаны кровью невинных жертв. На эту акцию властей откликнулось 4 тысячи исламистских фундаменталистов, которым опостытели вражда и насилие в отношении алжирского народа и разжигание войны против собственной страны. В таких условиях военные выдвинули на пост главы государства Абдельазиза Бутефлику в надежде на то, что, возможно, ему, имевшему многолетний опыт государственной деятельности на посту министра иностранных дел, удастся умиротворить нацию.

Однако далеко не все радикальные исламистские организации «*сдались на милость победителям*» [здесь и далее см. 52]. Некоторые из них лишь изменили тактику борьбы, переместив центр деятельности из центральных районов Алжира в пустыню Сахара – негостеприимную, малолюдную, но лишенную границ и, следовательно, государственного контроля, что позволяло исламским террористам и контрабандистам свободно перемещаться по этой огромной территории, занимаясь своим преступным «*бизнесом*» (*торговлей наркотиками, нападением на промышленные предприятия и объекты, захватом заложников с целью получения выкупов*). Там же разместились многочисленные военизированные группировки. Наиболее известные среди них – «*"Аль-Каида" в исламском Магрибе*» (АКИМ), «*Движение за единство и джихад в Западной Африке*» (ДЕДЗА), «*Ансар ад-дин*» («*Помощники веры*»), периодически

то объединявшиеся, то враждовавшие друг с другом. Наибольшую опасность представляли экстремистские организации «Вооруженная исламская группа» (ВИГ) и «Салафитская группа проповеди и войны» (СГПВ), которые отвергли все мирные инициативы алжирского руководства и поклялись бороться против него до конца [см. 48; 54].

Основу радикальных исламистских организаций составили выходцы из стран Северо-Западной Африки (*Алжира, Ливии, Мавритании, Мали, Нигера, Чада*) – в основном молодые люди, в том числе студенты, недовольные ухудшением качества жизни в своих странах, нищетой большинства населения, безработицей, низким уровнем образования, ростом коррупции и взяточничества. Часть недовольных составили партизаны расколовшегося в 1988 г. Фронта ПОЛИСАРИО и бойцы СНОА, оказавшиеся не у дел, поскольку обострение обстановки в Алжире и сохранение противоречий по проблеме Западной Сахары между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО привели к тому, что сахарский конфликт оказался «замороженным». Тем более, что лагеря сахарских беженцев в Тиндуфе, где находились руководящие органы и учебные базы Фронта, дали лидерам радикальных исламистских организаций возможность использовать их для подготовки боевиков. Это позволяло им укреплять свои ряды и расширять деятельность во всей Северо-Западной Африке.

Все это свидетельствовало о том, что в начале 2000-х гг. президент А.Бутефлика не обладал реальной властью, не контролировал ситуацию, не был способен мобилизовать органы безопасности на борьбу с террористами, от рук которых гибли люди. Это подтвердил в своем исследовании профессор социологии Лионского университета Хуари Адди, осознавший, что «*в Алжире существует политический вакуум. Президент реально не обладает той властью, которая положена ему по конституции, равно как и министры. И подобная ситуация, – по мнению ученого, – характерна для администрации на всех уровнях.*

В таких условиях, – продолжал он, в частности, в интервью корреспонденту частной алжирской газеты «Эль-Хабар» (28 августа 2008 года), – некоторые чиновники пытаются извлечь выгоду из этого. Поэтому процветает коррупция, и граждане потеряли доверие к государству. Алжирский народ, – утверждал Х.Адди, – нуждается в правовом государстве, и необходимо удовлетворить эту потребность. Иначе, – де-

лал вывод ученый, – *через десять лет Алжир превратится во второе Сомали*» [печ. по: 21, 29.08.2008, серия СВ, л. 7].

Лишь в середине 2009 г. глава государства сумел доказать командованию алжирской армии необходимость продолжать боевые действия против террористов вплоть до ликвидации всех исламистских бандформирований. Решение было одобрено военными. «*Мы решительно настроены на мобилизацию всех сил и средств по осуществлению Хартии за мир и национальное примирение* (одобрена на референдуме в сентябре 2006 г. – Н.П.) *и избавление страны от терроризма*» [здесь и далее см. 21, 1.07.2009, серия СВ, л. 9], – заявил 29 июня 2009 г. начальник генерального штаба Национальной народной армии (ННА) Алжира генерал-майор Ахмед Гаид Салах, подтвердив тем самым приверженность ННА политике президента А.Бутефлики по укреплению внутренней безопасности в стране.

В результате в последовавшие затем годы главе государства удалось заметно снизить уровень насилия благодаря осуществлению политики гражданского согласия. Была объявлена амнистия тем боевикам религиозных экстремистских группировок, кто проявлял готовность сложить оружие. Были прекращены судебные преследования военных, превысивших свои служебные полномочия в ходе антитеррористических кампаний предыдущих лет. Продолжился курс руководства страны на национальное примирение с призывом к исламской вооруженной оппозиции сложить оружие и вернуться к мирной жизни. Все усилия были направлены на всестороннее развитие национальной экономики.

Однако боевики радикальной группировки «*"Аль-Каида" в Исламском Магрибе*», действовавшие в Алжире, не проявляли готовности к общенациональному примирению, провозглашенному президентом. Более того, в декабре 2007 г. они организовали покушение на него. Глава государства не пострадал, но в результате теракта погибли 26 человек, 170 были ранены [здесь и далее: 21, 24.12.2010, серия СВ, л. 4].

В начале января 2011 г. Алжир охватили массовые народные волнения и погромы, вызванные ростом цен на основные продукты питания. Жертвами волнений стали 5 человек, 800 получили ранения [здесь и далее: 21, 31.01.2011, серия СВ, л. 2]. Само собой, возникала мысль об аналогии обстановки, сложившейся в Алжире, с событиями в Тунисе, где в это время

начались так называемые *«революционные события арабской весны»*. Вернее сказать, об аналогии обстановки, сложившейся в Тунисе, где началась так называемая *«арабская весна»*, с событиями в Алжире (*возникшими в стране, как уже неоднократно указывалось, еще в октябре 1988 г.*).

Однако министр внутренних дел и местного самоуправления АНДР Даху ульд Каблиа счел *«необоснованными сравнения обстановки в Алжире с Тунисом»*, президент которого Зин аль-Абидин бен Али был вынужден бежать из страны, а его режим пал. Основанием министру для такого утверждения служило то, что в Алжире, по его словам, создалась *«иная ситуация»*, поскольку здесь *«наблюдается развитие, хорошие показатели демонстрируют сферы образования, здравоохранения, жилья»*.

Погасить волнения алжирским властям удалось лишь после того, как правительство взяло на себя обязательство субсидировать продовольственную корзину и не допустить скачка цен на продукты питания. Одновременно *«по соображениям безопасности»* они ввели запрет на проведение любых массовых мероприятий. Ответом *«Национального объединения за перемены и демократию» (НОПД)*, в которое вошел ряд крупных оппозиционных партий и общественных организаций, стало требование смены правящего режима.

Недовольство активистов НОПД вызывали продолжавшиеся коррупция и расхищение государственных средств. Они требовали *«либерализации общественно-политического пространства и проведения экономической стратегии правительства в соответствии с реальными нуждами населения»* [здесь и далее: 21, 8, 14, 2.02.2011, серия ВА, л. 2].

В ответ на требования оппозиции президент А.Бутефлика дал поручение правительству *«немедленно приступить к выработке документов, которые позволят государству продолжить эффективную антитеррористическую борьбу в рамках закона вплоть до ее успешного завершения»*. Одновременно он заявил о намерении *«решительно защищать национальную экономику, ведя борьбу со всеми формами коррупции и мошенничества»*.

Главе государства было чрезвычайно важно добиться кардинальных изменений в жизни страны в лучшую сторону в преддверии очередных президентских выборов, на которых он намеревался победить. Для чего подготовил программу действий на ближайшие 5 лет с целью *«построения разви-*

вающейся экономики, которая, – как он надеялся, – обеспечит рост промышленного развития Алжира» [здесь и далее: 21, 19.03.2014, серия ВА, л. 6–7].

В свою очередь глава предвыборного штаба президента Абдельмалек Селляля заверил соотечественников в намерении А.Бутефлики *«поощрять инвестиции, не причиняя при этом вреда социальным завоеваниям алжирцев»*. По словам А.Селляля, президент *«сумел восстановить мир и безопасность в Алжире, обеспечить стабильность экономики. Алжир нуждается в стабильности, и кандидат Бутефлика – гарант этой стабильности, без которой невозможно добиться экономического развития»*, – подчеркнул он.

Одновременно близкий соратник президента Абдельазиз Бельхадем указал, что *«стабильность в Алжире – это большое достижение, которое необходимо сохранить. Программа кандидата Бутефлики гарантирует упрочение этой стабильности посредством продолжения процесса укрепления государственных институтов, национальной экономики, а также отношений солидарности и братства между всеми алжирцами»* [здесь и далее: 16, с. 12].

Глава государства намерен был также принять поправки к действовавшей Конституции, *«направленные на укрепление и развитие демократии в Республике»*. Ожидалось, что новая конституция *«расширит полномочия народных избранников и определит конституционные права оппозиции»*.

Однако оппоненты А.Бутефлики на президентских выборах были несколько иного мнения о мерах, которые следовало бы принять руководству страны. Так, бывший соратник президента, бывший премьер-министр Алжира Али Бенфлис, выступивший на президентских выборах 17 апреля 2014 года как независимый кандидат, призвал своих сторонников *«быть готовыми к продолжению политической борьбы»* в защиту предложенного им проекта национального возрождения страны путем создания новой политической партии для молодежи, поскольку *«в этом проекте большую роль будут играть представители молодого поколения»* [16, с. 13–14], – подчеркнул А.Бенфлис.

В свою очередь политолог Рашид Тлемсани пришел к выводу, что *«переизбрание Бутефлики открывает дорогу периоду нестабильности, который будет выражаться в растущем недовольстве населения, если правящий режим окажется не в состоянии купить социальный мир»* [здесь и далее: 16, с. 14–15].

Задавшись вопросом относительно будущего, какое ожидает президента, публицист Фарид Алилат отвечал: *«Он будет управлять так же, как и прежде»* [здесь и далее: 16, с.14]. И пояснил: *«дистанционно»*. То есть рассчитывая в основном на директора своего кабинета Ахмеда Уяхью и других опытных сотрудников, прежде всего Бельхадема и Селляля. А решать команде президента предстояло массу сложных задач. Таких, как снижение масштабов безработицы, трудоустройство молодежи, строительство нового жилья, прокладка дорог, улучшение делового климата в стране, повышение качества жизни, решительная борьба с коррупцией, обуздание бюрократического аппарата. Для всего этого необходимы были готовность государства идти на реальные перемены и умение эффективно использовать финансовые ресурсы.

В свою очередь газета *«Оран»*, комментируя результаты президентских выборов в Алжире, писала, что победа А.Бутефлики *«усиливает страх за будущее страны»* и символизирует *«утраченную возможность осуществить правильную передачу власти»*.

ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Изучение истории сахарской политики Алжира позволяет в заключение сделать ряд выводов. Прежде всего относительно характера этой политики, присущей руководству страны в лице президентов Х.Бумедьена, Ш.Бенджедида, и А.Бутефлики, которые с самого начала возникновения проблемы Западной Сахары упорно и настойчиво, вопреки объективным фактам, а порой и здравому смыслу, отстаивали позицию в поддержку прав так называемого «сахарского народа» на самоопределение и независимость «сахарского государства», под которым подразумевали территорию Западной («Испанской») Сахары. В сконцентрированном виде эта позиция была сформулирована Садеком Богатайем – одним из руководителей Национального Фронта освобождения Алжира, долгое время возглавлявшим Комитет внешних связей Народного совета (парламента) Алжира, юристом, исполняющим особые поручения правительства АНДР.

Так, все они настаивали на том, что [здесь и далее см. 56] проблема Западной Сахары является вопросом деколонизации, который должен решаться в соответствии с нормами международного права и принципами ООН о праве народа на самоопределение. Народа, который обязан сам определить свою судьбу путем референдума. Первоначально решить этот вопрос, считал С.Богатайя, следовало Испании как державе, осуществлявшей административное управление своей бывшей «заморской провинцией». Но «Марокко и Мавритания, – по его мнению, – действовали вразрез с нормами международного права и принципами ООН, когда разделили территорию Западной Сахары между собой (14 ноября 1975 г.)». Поэтому, по оценке С.Богатайя, «Марокко – страна-оккупант», поскольку она «грабит западносахарцев, убивает их». В силу чего, по его словам, «многие западносахарцы вынуждены бежать за пределы своей страны». Чтобы помочь им, «Алжир предоставил западносахарцам часть своей территории для того, чтобы они могли сохранить свои жизни».

С.Богатайя уверен: *«Алжир никогда не оставит народ Западной Сахары, пока тот не определится со своей судьбой. Независимо от различных сложных мировых политических ситуаций, Алжир будет поддерживать Западную Сахару»*. Такова, согласно С.Богатайе, официальная позиция Алжира, которую он неизменно отстаивал в исследуемый период в Совете Безопасности ООН, Генеральной ассамблее ООН, Первом Комитете ООН.

По словам С.Богатайи, причиной задержки с принятием решения о независимости Западной Сахары явилось невыполнение Марокко подписанных ответственными представителями конфликтующих сторон Хьюстонских соглашений (1997) и трех протоколов, касающихся численности избирателей, которые имели право участвовать в референдуме о самоопределении *«сахарского народа»*. Вследствие этого согласованные решения остались на бумаге, поскольку Марокко не соблюдало ни положения этих протоколов, ни решения Международного суда ООН в Гааге. Суда, определившего, по словам С.Богатайи, что территория Западной Сахары никогда не являлась территорией Королевства Марокко.

И это действительно так. Хотя бы потому, что в период, предшествовавший колонизации территории Испанией (а именно в 1767–1861 гг.), о котором шла речь в Консультативном заключении МС ООН, Марокко являлось султанатом, а не королевством. Между тем следует учесть, что принадлежность Западной Сахары Марокко признавали в тот период Великобритания, Италия, Испания, Франция и Германия [см. 4, р. 22, 105; 11; 12] (что немаловажно).

Вопреки этим фактам С.Богатайя пришел к следующему выводу, сделанному им на основе собственных умозаключений: *«Такова (мол) политическая природа этого режима. Она основывается на идее захвата чужих территорий»*.

А как насчет присвоения чужих территорий Алжиром, а именно: Тлемсена, Коломб-Бешара, Туата, Гуарару, Тиндуфа и его окрестностей? Или у алжирского режима – иная политическая природа?

Пытаясь объяснить причину, по которой Марокко долгое время отказывалось от проведения референдума на территории бывшей Западной («Испанской») Сахары, С.Богатайя утверждал, будто оно было *«уверено в том, что любой референдум приведет к тому, что народ выскажется за незави-*

симось». Но это – неправда. Королевство всегда было уверено в том, что «народ» выскажется «за» воссоединение с «*родиной-матерью*» – Марокко. К тому же это подтвердили неоднократно проводившиеся на этой территории выборы в местные органы власти.

Козырем своей сахарской политики руководство Алжира всегда считало и продолжает считать сходство своей антиколониальной национально-освободительной борьбы (1954–1962) с борьбой так называемого «*сахарского народа*» за территорию бывшей Западной («Испанской») Сахары. Решительно отвергая при этом то, что главным для «*сахарского народа*», точнее, племен регейбат, как, впрочем, любых кочевых племен, испокон веков считалась и оставалась свобода. Свобода существования вне государственных границ. Свобода передвижения по пустыне, являющейся для них родным домом. Если бы это было не так, то «*сахарцы*», до сего времени находящиеся в лагерях беженцев в Тиндуфе и его окрестностях, имея на то реальную возможность, давно бы уже перебрались в Марокко. Если же они остаются на территории Алжира, то это – либо невозможность освободиться из заточения в лагерях беженцев в Тиндуфе, либо их осознанный выбор. В таком случае не надо мешать им жить так, как они хотят, как привыкли, где именно так долгие века жили их предки до того, как современная цивилизация навязала им государственные границы, препятствующие свободному общению с соплеменниками в разных уголках региона от Красного моря на Востоке до Атлантического побережья на Западе.

В целом же, говоря о взаимоотношениях Алжира и Марокко на современном этапе, хотелось бы, разумеется, завершённости в решении сахарской проблемы. Но это представляется невозможным при нынешнем (как и любом другом алжирском руководстве), отличительной чертой деятельности которого является политика двойных стандартов, непоследовательность и непредсказуемость действий и поступков в отстаивании заведомо проигрышных дел, результатом чего является нестабильность в развитии отношений с соседними странами.

Открытым остается вопрос: чего добилось руководство Алжира этой своей политикой? – «*Подставило*» сахарцев, десятилетиями используя их «*национально-освободительную борьбу*» в своих интересах антимарокканской направленности. Загубило жизнь целого поколения этих самых «*сахарцев*».

Вольно или невольно, но способствовало созданию множества радикальных исламистских и экстремистских, организаций, целью которых стало превращение Марокко, Мавритании, да и самого Алжира – современных светских государств – в «*исламские эмираты*». Оно содействовало активизации преступной деятельности этих организаций и вооруженных бандформирований боевиков в районе Северо-Западной Африки, распространению идей исламского фундаментализма, насаждению среди населения, особенно молодежи, традиционных морально-этических и религиозно-обрядовых норм ислама (*шариата*). Довело Алжир до подлинной катастрофы. И это при том, что использование богатейших нефтегазовых ресурсов в интересах государства и на благо народа могло бы превратить его в алжирский Клондайк. Кардинально испортило отношения с соседними, по сути, братскими странами. Породило напряженную обстановку во всем регионе.

И для чего руководству АНДР все это было надо? Или все годы независимости Алжира власти страны следовали известному афоризму: «*У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов. Но постоянны и вечны наши интересы. И защищать их – наш долг*». Ну, что же, это – тоже позиция! И, думается, при общении с Алжиром ее следовало бы учитывать каждому государству в его внешнеполитической деятельности, особенно соседним, магрибинским странам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно, разумеется, и дальше следить за развитием событий, связанных с проблемой Западной Сахары, в политике Алжира, Марокко, стран Магриба и Северо-Западной Африки, Франции, США, России, в большей или меньшей степени затронутых ею и заинтересованных в том или ином ее решении. Однако создается впечатление, что на самом деле эта проблема, по большому счету, мало кого интересует. Даже Организацию Объединенных Наций и Организацию африканского единства, а затем Африканский союз, которые проявили несостоятельность при ее решении и урегулировании сахарского конфликта. Преднамеренно или нет – другой вопрос, ответ на который останется на совести представителей стран-членов ООН и ОАЕ/АС. В этом убеждает сложившееся и сохраняющееся практически без изменений положение в регионе после прекращения (6 сентября 1991 г.) военных действий между вооруженными силами Фронта ПОЛИСАРИО и Марокко.

К тому же Марокко реально получило территорию бывшей Западной («Испанской») Сахары, составляющую (с марта 1976 г.) неотъемлемую составную часть его национальной территории, как оно того хотело и за что боролось с 1956 года. Королевство в целом удовлетворено исходом конфликта.

Алжир сохраняет присоединенные к нему французскими колонизаторами исконно марокканские территории, расположенные на его западной и южной границах. Он также удовлетворен сложившимся положением, поскольку Марокко (в отличие от него самого) никогда так остро и непримиримо не ставило вопрос о спорных территориях. Понимая (опять же в отличие от алжирского руководства), что проблему этих спорных территорий породили французские и испанские колонизаторы (которые руководствовались при этом своими геостратегическими и политико-экономическими интересами). Поэтому решить сахарскую проблему не могут ни Марокко и Алжир, ни страны-члены ООН и ОАЕ. Так что, приложив усилия к развя-

зыванию сахарского конфликта, алжирское руководство явно пошло на опережение событий.

Франция продолжает занимать привилегированное положение в своих бывших колониальных владениях и зависимых территориях Магриба и с большим или меньшим успехом пытается корректировать развитие ситуации в этом районе мира, сохраняя стабильные отношения со странами региона и используя их природные ресурсы в своих интересах.

То же самое можно сказать о Соединенных Штатах Америки, даже России и мировом сообществе в целом.

Кого беспокоит обстановка в регионе? Даже трудно сказать. Фронта ПОЛИСАРИО – возмутителя спокойствия – практически более не существует. Так же, как и Сахарской народно-освободительной армии, тем более что «освободить» ей, собственно, было нечего с самого начала возникновения конфликта (15 ноября 1975 г.). Несмотря на это, Мухаммед Абдельазиз продолжал позиционировать себя генеральным секретарем распавшегося еще в конце 1988 г. Фронта ПОЛИСАРИО и президентом Сахарской Арабской Демократической Республики. В декабре 2012 г. вдохновленный заявлениями парламентариев Испании и Швеции «в поддержку членства Западной Сахары в ООН по примеру Палестины», он даже выдвинул лозунг: «Наша цель – присутствие САДР в Организации Объединенных Наций» [53]. Лозунг, который ни при каких обстоятельствах нельзя было воспринимать всерьез. Так же, как и признание де-факто Сахарской республикой (30 сентября 2010 г.) Республики Южная Осетия [см. 55]. Признание, вызывающее не более чем горькую усмешку.

Сахарская Арабская Демократическая Республика – это формальное название мифического государства-фантома, провозглашенного на территории Алжира и располагавшегося там же. Ни к территории Западной («Испанской») Сахары, ни к территории бывшей Западной («Испанской») Сахары, принадлежащей ныне Марокко, которое реально осуществляет над ней суверенитет, ни к территории, наконец, Западной Сахары в целом САДР никогда не имела и не могла иметь никакого отношения. Это – очевидно.

Остается пресловутый «сахарский народ». Но если серьезно, то кому и когда был нужен этот, как и любой другой народ?! Если только правителям, которые используют его в собственных интересах и корыстных целях. Как в данном

конкретном случае – для обострения сахарского конфликта в тот или иной исторический момент. Народ можно бросить, например, на борьбу за светлые идеалы, которые на поверку оказываются бредовыми идеями. А когда из него выжмут все жизненные соки и швырнут на свалку Истории, им уже не стоит дорожить. Старым, покалеченным, а потому больным, немощным, одиноким, лишенным медицинской помощи и социального обеспечения, живущим на убогую пенсию, не позволяющую ему купить дорогостоящие лекарства, которые, быть может (как знать?!), могли бы хотя бы ненамного облегчить его телесные страдания и душевные муки. А если этот народ длительный период времени символично держится без каких-либо явных негативных проявлений с его стороны, издавая иногда лишь тихие стоны, о нем можно попросту забыть и не вспоминать вовсе...

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Алжир: три года на грани гражданской войны. – М., 1995.
2. Ступишин В.П. *Дорогомислово – Париж. Воспоминания дипломата.* – М., 2000.
3. Bouguetaïa, Boualem. Les frontières méridionales de l'Algérie (*de l'arrière-pensée à l'uti-possidetis*). – Alger, 1981.
4. Gaudio, Attilio. Le Dossier du Sahara Occidental. – Paris, 1977.
5. Yata, Ali. Le Sahara Occidental Marocain. – Casablanca, 1972.
6. «RASD. Une République authentique, née dans le feu et dans le sang» // Ministère de l'Information. Stampa romagraphics, 1979.

* * *

7. Африка. Энциклопедический справочник. Том первый «А–К». – М., 1986.
8. Организация Объединенных Наций. Сборник документов. – М., 1981.
9. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на пятнадцатой сессии. Том I. 20 сентября – 20 декабря 1960 года. – ООН, Нью-Йорк, 1961.
10. Сборник основных документов и материалов по проблеме Западной Сахары (1977–1978 гг.). – М., 1980.
11. Cour Internationale de Justice. Palais de la Paix. – La Haye, 1975, p. 1–7.
12. Annexe № 1: Cour Internationale de Justice. Sahara Occidental. Avis Consultatif du 16 Octobre 1975 (*Extraits*).
13. Sahara Occidental. Avis consultatif du 16 Octobre 1976. Rôle general № 61, C.I.J.H.I. Recueil – Année 1975.
14. Sahara Occidental. Volume III. Exposés écrits et documents (*suite et fin*) // Cour Internationale de Justice. Mémoires, plaidoiries et documents. – La Haye, 1981.

* * *

15. *За рубежом*. – М., 1975, № 44, с. 5.
16. *Компас*. – М., 1.05.2014, № 20.
17. *Народы Азии Африки*. – М., 1984, № 4, с. 97.
18. *Правда*. – М., 4, 9.11.1977.
19. Сообщение ТАСС (Телеграфного агентства Советского Союза). – М., 9.05.1977.
20. Сообщение ИТАР-ТАСС (Информационного телеграфного агентства России). – М.,
21. *Пульс планеты* ИТАР-ТАСС. – М.
22. *Actualité*. – Alger.
23. *Al-Bayane*. – Casablanca.
24. *Al-Watan*. – Alger.
25. *Arabies*. – Paris.
26. *Authentique*. – Alger.
27. *Bulletin de l'Ambassade de la RASD*. – Cotonou (Bénin).
28. *Bulletin quotidien d'Afrique*. – Paris.
29. *El-Moudjahid*. – Alger.
30. *Marchés tropicaux et Méditerranéens*. – Paris.
31. *Matin*. – Alger.
32. *Matin*. – Casablanca.
33. *Matin du Sahara*. – Casablanca.
34. *Matin du Sahara et du Maghreb*. – Casablanca.
35. *Monde*. – Paris.
36. *Petit Marocain*. – Casablanca.
37. *Point*. – Paris.
38. *Révolution africaine*. – Alger.
39. *Sahara libre*. – Alger.
40. *Soir d'Algérie*. – Alger.
41. *20 Mai*. – Alger.

* * *

42. [day.kiev.ua>315781/](http://day.kiev.ua/315781/)
43. http://blockterror.org/zevdio/Будиаф_Мухаммед
44. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.was...>
45. <http://my-shop.ru/shop/books/1573840/html>
46. http://ru.wikipedia.org/wiki/Будиаф_Мухаммед
47. http://ru.wikipedia.org/wiki/Бумедьен_Хуари
48. <http://werewolf0001.livejournal.com/637120.html>
49. <http://www.BestReferat.ru/referat-209059.html>
50. http://www.peoples.ru/state/politics/huary_bumedien/

51. см. <http://www.people.su/18454>
52. <http://www.profile.ru/article/zona-smerti-sahara-drama-s-ub>
53. <http://www.spsrasd/info/ru/content/>
54. [voprosik.net>terror-v-saxare/](http://voprosik.net/terror-v-saxare/)
55. <http://www.newsru.com/world/30sep2010/priznanie.html>
56. 1-line.spbu.ru/acquainted/127-777.html

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривосточное развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".
260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**
250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**
251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Pogornova**
252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by **Alek D. Epstein**
253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)
254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**
255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**
256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**
258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**
259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**
260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

Н.П. Подгорнова

**ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОЙ САХАРЫ
В ПОЛИТИКЕ АЛЖИРА**

Подписано в печать 22.01.2015 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 7,25 уч. изд. л.

Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 265

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12